ГУЛЛИВЕР

В СТРАНЕ ВЕЛИКАНОВ

ДЖОНАТАН СВИФТ

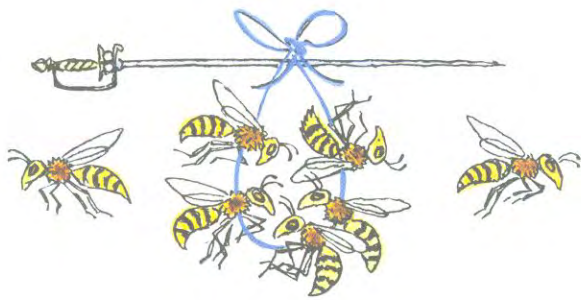
Иллюстрации Сергея Бордюга

Джонатан СВИФТ

ГУЛЛИВЕР

В СТРАНЕ ВЕЛИКАНОВ

Санкт-Петербург
Издательская Группа «Азбука-классика»
2010

УДК 82-93
ББК 84(4Вел)
С24

Перевод с английского *Тамары Габбе*

Иллюстрации *Сергея Бордюга*

Литературно-художественное издание

Для младшего школьного возраста

СЕРИЯ «КНИГА В ПОДАРОК»

Джонатан Свифт

ГУЛЛИВЕР В СТРАНЕ ВЕЛИКАНОВ

Руководитель проекта *Евгения Тихонова*
Ответственный редактор *Александра Евстратова*
Художественный редактор *Олег Рябов*
Технический редактор *Елена Антонова*
Корректор *Ольга Смирнова*

Подписано в печать 20.10.2009. Формат издания 60×84 1/8. Печать офсетная.
Гарнитура SchoolBookC. Усл. печ. л. 4,65. Тираж 7000 экз. Заказ № 0278

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 78.01.07.953.П.011281.07.09 от 03.07.09

Издательская Группа «Азбука-классика».
191014, Санкт-Петербург, ул. Чехова, д. 9, лит. А, пом. 6Н. www.azbooka.ru

Отпечатано в ЗАО «ИПК «Парето-принт»
г. Тверь, www.pareto-print.ru

Свифт Д.

С24 Гулливер в стране великанов / Пер. с англ. Т. Габбе. — СПб. : Издательская Группа «Азбука-классика», 2010. — 80 с. : ил. — (Книга в подарок).

ISBN 978-5-9985-0617-8

«Приключения Гулливера» — книга из золотого фонда мировой литературы. Странные вещи происходят в Англии: взрослые там с удовольствием читают детские книжки, а детям очень нравятся книги, написанные для взрослых. Вот и книгу «Приключения Гулливера», написанную знаменитым английским сатириком и публицистом Джонатаном Свифтом для взрослых, дети решительно отобрали у старшего поколения и отдавать совершенно не собираются. Им почему-то ужасно нравится читать про приключения отважного моряка Гулливера, который, побывав в удивительной стране Лилипутии, не усидел дома и снова отправился в плавание. На этот раз он попал в страну великанов. Ну и тяжко же пришлось там Гулливеру среди людей, похожих на горы! В Великании и кошка — страшный зверь, и крыса — серьёзный противник; даже мухам — и тем приходится давать нешуточный бой...

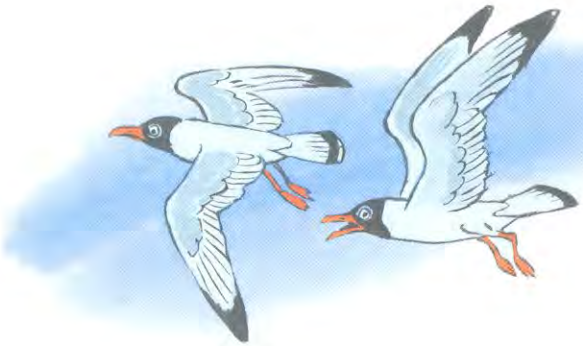
УДК 82-93
ББК 84(4Вел)

© С. Бордюг, иллюстрации, 1993
© Издательская Группа «Азбука-классика», 2010

ISBN 978-5-9985-0617-8

Королевство Бробдингнег

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Гулливер прожил дома недолго.

Не успел он хорошенько отдохнуть, как его снова потянуло в плавание.

«Должно быть, уж таков я по природе, — думал он. — Беспокойная жизнь морского бродяги мне больше по сердцу, чем мирное житьё моих сухопутных друзей».

Одним словом, через два месяца после своего возвращения на родину он уже снова числился врачом на корабле «Адвенчер», отправлявшемся в дальнее плавание под командой капитана Джона Николса.

20 июня 1702 года «Адвенчер» вышел в открытое море.

Ветер был попутный. Корабль шёл на всех парусах до самого мыса Доброй Надежды. Здесь капитан приказал бросить якорь и запастись свежей водой. После двухдневной стоянки «Адвенчер» должен был снова пуститься в плавание.

Но неожиданно на корабле открылась течь. Пришлось выгрузить товары и заняться починкой. А тут ещё капитан Николс заболел жестокой лихорадкой.

Корабельный врач Гулливер заботливо осмотрел больного капитана и решил, что ему нельзя продолжать плавание, прежде чем он совсем не поправится.

Так «Адвенчер» и зазимовал у мыса Доброй Надежды.

Только в марте 1703 года на корабле опять были поставлены паруса, и он благополучно совершил переход до Мадагаскарского пролива.

19 апреля, когда корабль был уже недалеко от острова Мадагаскар, лёгкий западный ветер сменился жестоким ураганом.

Двадцать дней корабль гнало на восток. Вся команда измучилась и мечтала только о том, чтобы этот ураган наконец утих.

И вот наступил полный штиль. Целый день в море было тихо, и люди уже стали надеяться, что им удастся отдохнуть. Но капитан Николс, бывалый моряк, не раз плававший в этих местах, с недоверием посмотрел на притихшее море и приказал покрепче привязать пушки.

— Надвигается шторм! — сказал он.

И в самом деле на другой же день поднялся сильный, порывистый ветер. С каждой минутой он становился всё сильнее, и наконец разразилась такая буря, какой ещё не видывал ни Гулливер, ни матросы, ни сам капитан Джон Николс.

Ураган бушевал много дней. Много дней боролся «Адвенчер» с волнами и ветром. Умело маневрируя, капитан приказывал то поднять паруса, то спустить их, то идти по ветру, то лечь в дрейф.

В конце концов «Адвенчер» вышел победителем из этой борьбы. Корабль был в хорошем состоянии, провианта вдоволь, команда здоровая, выносливая и умелая. Одно только было плохо: на корабле кончались запасы пресной воды. Надо было во что бы то ни стало пополнить их. Но как? Где? Во время бури корабль так далеко отнесло на восток, что даже самые старые и бывалые матросы не могли сказать, в какую часть света их забросило и есть ли поблизости земля.

Все были не на шутку встревожены и с беспокойством посматривали на капитана.

Но вот наконец юнга, который стоял на мачте, увидел вдали землю.

Никто не знал, что это такое — большая земля или остров. Пустынные скалистые берега были незнакомы даже капитану Николсу.

На другой день корабль подошёл так близко к земле, что Гулливер и все моряки могли ясно разглядеть с палубы длинную песчаную косу и бухту. Но была ли она достаточно глубока для того, чтобы в неё мог войти такой большой корабль, как «Адвенчер»?

Осторожный капитан Николс не решился без лоцмана вводить свой корабль в не известную никому бухту. Он приказал бросить якорь и послал к берегу баркас с десятью хорошо вооружёнными матросами. Матросам дали с собой несколько пустых бочонков и поручили привезти побольше пресной воды, если только им удастся разыскать где-нибудь недалеко от берега озеро, речку или ручей.

Гулливер попросил капитана отпустить его на берег вместе с матросами.

Капитан прекрасно знал, что его учёный спутник для того и отправился в далёкое путешествие, чтобы повидать чужие края, и охотно отпустил его.

Скоро баркас причалил к берегу, и Гулливер первым выскочил на мокрые камни. Вокруг было совсем пусто и тихо. Ни лодки, ни рыбачьей хижины, ни рощицы вдали.

В поисках пресной воды матросы разбрелись по берегу, и Гулливер остался один. Он побрёл наугад, с любопытством оглядывая новые места, но не увидел ровно ничего интересного. Всюду — направо и налево — тянулась бесплодная, скалистая пустыня.

Усталый и недовольный, Гулливер медленно зашагал назад, к бухте.

Море расстилалось перед ним суровое, серое, неприветливое. Гулливер обогнул какой-то огромный камень и вдруг остановился, испуганный и удивлённый.

Что такое? Матросы уже сели в баркас и что есть силы гребут к судну. Как же это они оставили его одного на берегу? Что случилось?

Гулливер хотел громко закричать, окликнуть матросов, но язык у него во рту словно окаменел.

И немудрено. Из-за прибрежной скалы внезапно вышел человек огромного роста — сам не меньше этой скалы — и погнался за лодкой. Море едва доходило ему до колен. Он делал громадные шаги. Ещё два-три таких шага, и он бы схватил баркас за корму. Но, видно, острые камни на дне мешали ему идти. Он остановился, махнул рукой и повернул к берегу.

У Гулливера от ужаса закружилась голова. Он упал на землю, пополз меж камней, а потом поднялся на ноги и сломя голову побежал, сам не зная куда.

Он думал только о том, где бы ему укрыться от этого страшного огромного человека.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Наконец прибрежные пески и камни остались далеко позади.

Гулливер, задыхаясь, взбежал по склону крутого холма и огляделся. Вокруг всё было- зелено. Со всех сторон его обступали рощи и леса.

Он спустился с холма и пошёл по широкой дороге. Справа и слева сплошной стеной стоял густой лес — гладкие голые стволы, прямые, как у сосен.

Гулливер закинул назад голову, чтобы поглядеть на верхушки деревьев, да так и ахнул. Это были не сосны, а колосья ячменя вышиной с деревья!

Должно быть, время жатвы уже подошло. Спелые зёрна величиной с крупную еловую шишку то и дело больно щёлкали Гулливера по спине, по плечам, по голове. Гулливер прибавил шагу.

Он шёл, шёл и наконец добрался до высокой ограды. Ограда была раза в три выше, чем самые высокие колосья, и Гулливер едва-едва мог разглядеть её верхний край. Попасть с этого поля на соседнее было не так-то легко. Для этого нужно было подняться по каменным замшелым ступеням, а потом перелезть через большой, вросший в землю камень.

Ступеней было всего четыре, но зато каждая из них много выше Гулливера. Только став на цыпочки и высоко подняв руку, он мог с трудом дотянуться до края нижней ступени.

Нечего было и думать подняться по такой лестнице.

Гулливер стал внимательно осматривать ограду: нет ли в ней хоть какой-нибудь щёлочки или лазейки, через которую можно было бы выбраться отсюда?

Лазейки не было.

И вдруг на верхней ступеньке лестницы появился огромный человек — ещё больше того, который гнался за баркасом. Он был ростом по крайней мере с пожарную каланчу!

Гулливер в ужасе кинулся в ячменную чащу и притаился, спрятавшись за толстый колос.

Из своей засады он увидел, как великан помахал рукой и, обернувшись, что-то громко закричал. Должно быть, он просто звал кого-то, но Гулливеру показалось, будто гром грянул в ясном небе.

Вдалеке прозвучало несколько таких же раскатов, и через минуту рядом с великаном оказалось ещё семеро парней такого же роста. Наверно, это были работники. Они были одеты проще и беднее первого великана, и в руках у них были серпы. Да какие серпы! Если шесть наших кос разложить на земле полумесяцем, вряд ли получился бы такой серп.

Выслушав своего хозяина, великаны один за другим спустились на поле, где притаился Гулливер, и принялись жать ячмень.

Гулливер, не помня себя от страха, кинулся назад, в чащу колосьев.

Ячмень рос густо. Гулливер еле-еле пробирался между высокими, прямыми стволами. Целый дождь тяжёлых зёрен сыпался на него сверху, но он уже не обращал на это никакого внимания.

И вдруг дорогу ему загородил прибитый к земле ветром и дождём стебель ячменя. Гулливер перелез через толстый, гладкий ствол и наткнулся на другой, ещё толще. Дальше — целый десяток пригнувшихся к земле колосьев. Стволы тесно переплелись между собой, а крепкие, острые усы ячменя, вернее сказать — усищи торчали, словно копья. Они прокалывали платье Гулливера и впивались в кожу. Гулливер повернул налево, направо... И там те же толстые стволы и страшные острые копья!

Что же теперь делать? Гулливер понял, что ему ни за что не выбраться из этой чащи. Силы оставили его. Он лёг в борозду и уткнулся лицом в землю. Слёзы так и потекли у него из глаз.

Он невольно вспомнил, что ещё совсем недавно в стране лилипутов он сам чувствовал себя великаном. Там он мог опустить к себе в карман всадника с лошадью, мог одной рукой тянуть за собой целый неприятельский флот, а теперь он — лилипут среди великанов, и его, Человека Гору, могучего Куинбуса Флестрина, того и гляди, упрячут в карман. И это ещё не самое плохое. Его могут раздавить, как лягушонка, могут свернуть ему голову, как воробью! Всё бывает на свете...

В эту самую минуту Гулливер вдруг увидел, что какая-то широкая тёмная плита поднялась над ним и вот-вот опустится. Что это? Неужели подошва огромного башмака? Так и есть! Один из жнецов незаметно подошёл к Гулливеру и остановился над самой его головой. Сто́ит ему опустить ногу, и он растопчет Гулливера, как жука или кузнечика.

Гулливер вскрикнул, и великан услышал его крик. Он нагнулся и стал внимательно осматривать землю и даже шарить по ней руками.

И вот, сдвинув в сторону несколько колосьев, он увидел что-то живое.

С минуту он опасливо рассматривал Гулливера, как рассматривают невиданных зверьков или насекомых. Видно было, что он соображает, как ему схватить удивительного зверька, чтобы тот не успел его оцарапать или укусить.

Наконец он решился — ухватил Гулливера двумя пальцами за бока и поднёс к самым глазам, чтобы получше разглядеть.

Гулливеру показалось, что какой-то вихрь поднял его и понёс прямо в небо. Сердце у него оборвалось. «А что, если он с размаху швырнет меня на землю, как мы бросаем жуков или тараканов?» — с ужасом подумал он, и, как только перед ним засветились два огромных удивлённых глаза, он умоляюще сложил руки и сказал вежливо и спокойно, хотя голос у него дрожал, а язык прилипал к нёбу:

— Умоляю вас, дорогой великан, пощадите меня! Я не сделаю вам ничего дурного!

Конечно, великан не понял, что говорит ему Гулливер, но Гулливер на это и не рассчитывал. Он хотел только одного: пусть великан заметит, что он, Гулливер, не квакает, не чирикает, не жужжит, а разговаривает, как люди.

И великан это заметил. Он вздрогнул, внимательно посмотрел на Гулливера и ухватил его покрепче, чтобы не уронить. Пальцы его, словно огромные клещи, сжали рёбра Гулливера, и тот невольно вскрикнул от боли.

«Конец! — мелькнуло у него в голове. — Если это чудовище не уронит меня и не разобьёт вдребезги, так уж наверняка раздавит или задушит!»

Но великан вовсе не собирался душить Гулливера. Должно быть, говорящий кузнечик ему понравился. Он приподнял полу кафтана и, осторожно положив в неё свою находку, побежал на другой конец поля.

«Несёт к хозяину», — догадался Гулливер.

И в самом деле через минуту Гулливер был уже в руках того великана, который раньше всех других появился на ячменном поле.

Увидев такого маленького человечка, хозяин удивился ещё больше, чем работник. Он долго рассматривал его, поворачивая то направо, то налево. Потом взял соломинку толщиной с трость и стал поднимать ею полы Гулливерова кафтана. Должно быть, он думал, что это что-то вроде надкрылий майского жука.

Все работники собрались вокруг и, вытянув шеи, молча глядели на удивительную находку.

Чтобы лучше разглядеть лицо Гулливера, хозяин снял с него шляпу и легонько подул ему на волосы. Волосы у Гулливера поднялись, как от сильного ветра. Потом великан осторожно опустил его на землю и поставил на четвереньки. Наверно, ему хотелось поглядеть, как бегает диковинный зверёк.

Но Гулливер сейчас же поднялся на ноги и стал гордо разгуливать перед великанами, стараясь показать им, что он не майский

жук, не кузнечик, а такой же человек, как они, и вовсе не собирается убежать от них и спрятаться среди стеблей.

Он взмахнул шляпой и отвесил своему новому хозяину поклон. Высоко подняв голову, он произнёс громко и раздельно приветствие на четырёх языках.

Великаны переглянулись и удивлённо покачали головами, но Гулливер ясно видел, что они его не поняли. Тогда он вынул из кармана кошелёк с золотом и положил его на ладонь хозяина. Тот низко наклонился, прищурил один глаз и, сморщив нос, стал разглядывать странную вещицу. Он даже вытащил откуда-то из рукава булавку и потыкал её остриём в кошелёк, очевидно, не догадываясь, что это такое.

Тогда Гулливер сам открыл кошелёк и высыпал на ладонь великана всё своё золото — тридцать шесть испанских червонцев.

Великан послюнил кончик пальца и приподнял один испанский золотой, потом другой...

Гулливер старался знаками объяснить, что он просит великана принять от него этот скромный подарок.

Он кланялся, прижимал руки к сердцу, но великан так ничего и не понял и тоже знаками приказал Гулливеру положить монеты обратно в кошелёк, а кошелёк спрятать в карман.

Потом он заговорил о чём-то со своими работниками, и Гулливеру показалось, что восемь водяных мельниц разом зашумели у него над головой. Он был рад, когда работники наконец ушли на поле.

Тогда великан достал из кармана свой носовой платок, сложил его в несколько раз и, опустив левую руку до самой земли, покрыл ладонь платком.

Гулливер сразу понял, чего от него хотят. Он покорно взобрался на эту широкую ладонь и, чтобы не свалиться с неё, лёг ничком.

Видно, великан очень боялся уронить и потерять Гулливера: он бережно завернул его в платок, точно в одеяло, и, прикрыв другой ладонью, понёс к себе домой.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Был полдень, и хозяйка уже подала на стол обед, когда великан с Гулливером на ладони перешагнул порог своего дома.

Ни слова не говоря, великан протянул жене ладонь и приподнял край платка, которым был закрыт Гулливер.

Она попятилась и взвизгнула так, что у Гулливера чуть не лопнули обе барабанные перепонки.

Но скоро великанша разглядела Гулливера, и ей понравилось, как он кланяется, снимает и надевает шляпу, осторожно ходит по столу между тарелками.

А Гулливер и в самом деле двигался по столу опасливо и осторожно. Он старался держаться подальше от края, потому что стол был очень высокий — по меньшей мере с двухэтажный дом.

Вся хозяйская семья разместилась вокруг стола: отец, мать, трое детей и старуха бабушка.

Гулливера хозяин посадил возле своей тарелки.

Перед хозяйкой возвышался на блюде огромный кусок жареной говядины.

Она отре́зала маленький ломтик мяса, отломила кусочек хлеба и положила всё это перед Гулливером.

Гулливер поклонился, достал из футляра свой дорожный прибор — вилку, ножик — и принялся за еду.

Хозяева разом опустили свои вилки и, улыбаясь, уставились на него.

Гулливеру стало страшно. Кусок застрял у него в горле, когда он увидел со всех сторон эти огромные, как фонари, любопытные глаза и зубы, которые были крупнее, чем его голова.

Но он не хотел, чтобы все эти великаны, взрослые и маленькие, заметили, как сильно он их боится, и, стараясь не глядеть по сторонам, доел свой хлеб и мясо.

Хозяйка что-то сказала служанке, и та сейчас же поставила перед Гулливером рюмку, до краёв наполненную каким-то золотистым прозрачным напитком.

Должно быть, это была самая маленькая ликёрная рюмочка — в ней помещалось не больше кувшина вина.

Гулливер встал, поднял рюмку обеими руками и, подойдя прямо к хозяйке, выпил за её здоровье.

Это очень понравилось всем великанам. Дети принялись так громко хохотать и хлопать в ладоши, что Гулливер чуть не оглох.

Он поспешил опять укрыться за тарелкой хозяина, но второпях споткнулся о корку хлеба и растянулся во весь рост. Он сейчас же вскочил на ноги и с тревогой посмотрел вокруг: ему совсем не хотелось показаться смешным и неловким.

Однако на этот раз никто не засмеялся. Все с беспокойством смотрели на маленького человечка, а служанка сейчас же убрала со стола злополучную корку.

Чтобы успокоить своих хозяев, Гулливер помахал шляпой и трижды прокричал «ура» в знак того, что всё обошлось благополучно.

Он и не знал, что в эту самую минуту его подстерегает новая неприятность.

Как только он подошёл к хозяину, один из мальчиков, десятилетний шалун, сидевший рядом с отцом, быстро схватил Гулливера за ноги и поднял так высоко, что у бедняги захватило дух и закружилась голова.

Неизвестно, что бы ещё придумал озорник, но отец сейчас же выхватил Гулливера у него из рук и опять поставил на стол, а мальчишку наградил звонкой оплеухой.

Таким ударом можно было бы выбить из сёдел целый эскадрон гренадер — разумеется, обыкновенной человеческой породы.

После этого отец строго приказал сыну немедленно выйти вон из-за стола. Мальчишка заревел, как стадо быков, и Гулливеру стало его жаль.

«Сто́ит ли на него сердиться? Ведь он ещё маленький», — подумал Гулливер, опустился на одно колено и знаками стал умолять своего хозяина простить шалуна.

Отец кивнул, и мальчуган снова занял своё место за столом. А Гулливер, усталый от всех этих приключений, сел на скатерть, прислонился к солонке и на минуту закрыл глаза.

Вдруг он услышал у себя за спиной какой-то сильный шум. Такой мерный, густой рокот можно услышать в чулочных мастерских, когда там работает не меньше десяти машин разом.

Гулливер оглянулся — и сердце у него сжалось. Он увидел над столом огромную, страшную морду какого-то хищного зверя Зелёные яркие глаза то лукаво щурились, то жадно открывались. Воинственно торчали в стороны длинные пушистые усы.

Кто это? Рысь? Бенгальский тигр? Лев? Нет, этот зверь раза в четыре больше самого большого льва.

Осторожно выглядывая из-за тарелки, Гулливер рассматривал зверя. Смотрел, смотрел — и наконец понял: это кошка! Обыкновенная домашняя кошка. Она взобралась на колени к хозяйке, и хозяйка гладит её, а кошка разнежилась и мурлычет.

Ах, если бы эта кошка была такая же маленькая, как все те кошки и котята, которых видел Гулливер у себя на родине, он бы тоже ласково погладил её и пощекотал за ушами!

Но осмелится ли мышка щекотать кошку?

207220
Саратов БФ № 11
ЦБС

Гулливер уже хотел было спрятаться куда-нибудь подальше — в пустую миску или чашку, — но, к счастью, вспомнил, что хищные звери всегда нападают на того, кто их боится, и боятся того, кто сам нападает.

Эта мысль вернула Гулливеру смелость. Он положил руку на эфес шпаги и храбро шагнул вперёд.

Давний охотничий опыт не обманул Гулливера. Пять или шесть раз он бесстрашно подходил к самой морде кошки, и кошка даже не посмела протянуть к нему лапу. Она только прижимала уши и пятилась назад.

Кончилось тем, что она соскочила с колен хозяйки и сама убралась подальше от стола. Гулливер вздохнул с облегчением.

Но тут в комнату вбежали две огромные собаки.

Если вы хотите знать, какой они были величины, поставьте друг на дружку четырёх слонов, и вы получите самое точное представление.

Одна собака, несмотря на свой огромный рост, была обыкновенная дворняга, другая — охотничья, из породы борзых.

К счастью, обе собаки не обратили на Гулливера особого внимания и, получив от хозяина какую-то подачку, убежали во двор.

К самому концу обеда в комнату вошла кормилица с годовалым ребёнком на руках.

Ребёнок сразу же заметил Гулливера, протянул к нему руки и поднял оглушительный рёв. Если бы этот двухсаженный младенец находился на одной из лондонских окраин, его бы непременно услышали на другой окраине даже глухие. Должно быть, он принял Гулливера за игрушку и сердился, что не может дотянуться до неё.

Мать ласково улыбнулась и, недолго думая, взяла Гулливера и поставила его перед ребёнком. А мальчуган, тоже недолго думая, схватил его поперёк туловища и стал засовывать себе в рот его голову.

Но тут уже Гулливер не вытерпел. Он закричал чуть ли не громче своего мучителя, и ребёнок в испуге выронил его из рук.

Наверно, это было бы последнее приключение Гулливера, если бы хозяйка не поймала его на лету в свой передник.

Ребёнок заревел ещё пронзительнее, и, чтобы успокоить его, кормилица стала вертеть перед ним погремушку. Погремушка была привязана к поясу младенца толстым якорным канатом

и напоминала большую выдолбленную тыкву. В её пустом нутре громыхало и перекатывалось по крайней мере штук двадцать булыжников.

Но ребёнок и смотреть не хотел на свою старую погремушку. Он надрывался от крика. Наконец великанша, прикрыв Гулливера фартуком, незаметно унесла его в другую комнату.

Там стояли кровати. Она уложила Гулливера на свою постель и укрыла его чистым носовым платком. Платок этот был больше, чем парус военного корабля, и такой же толстый и грубый.

Гулливер очень устал. Глаза у него слипались, и, как только хозяйка оставила его одного, он укрылся с головой своим жёстким холщовым одеялом и крепко уснул.

Он спал больше двух часов, и ему снилось, что он дома, среди родных и друзей.

Когда же он проснулся и понял, что лежит на кровати, у которой конца-края не видать, в огромной комнате, которую не обойдёшь и в несколько часов, ему стало очень грустно. Он опять зажмурил глаза и натянул повыше уголок платка. Но на этот раз заснуть ему не удалось.

Едва только он задремал, как услышал, что кто-то тяжело соскочил с полога на постель, пробежал по подушке и остановился возле него, не то посвистывая, не то посапывая.

Гулливер быстро приподнял голову и увидел, что над самым его лицом стоит какой-то длинномордый усатый зверь и смотрит прямо ему в глаза чёрными блестящими глазами.

Крыса! Отвратительная бурая крыса величиной с большую дворнягу! И она не одна, тут их две, они нападают на Гулливера с двух сторон! Ах, дерзкие животные! Одна из крыс осмелела настолько, что упёрлась лапами прямо в воротник Гулливера...

Он отскочил в сторону, выхватил шпагу и с одного удара распорол зверю брюхо. Крыса упала, обливаясь кровью, а другая пустилась наутёк.

Но тут уж Гулливер погнался за нею, настиг у самого края постели и отрубил ей хвост. С пронзительным визгом она скатилась куда-то вниз, оставив за собой длинный кровавый след.

Гулливер вернулся к умирающей крысе. Она ещё дышала. Сильным ударом он прикончил её.

В эту самую минуту в комнату вошла хозяйка. Увидев, что Гулливер весь в крови, она в испуге подбежала к постели и хотела взять его на руки.

Но Гулливер, улыбаясь, протянул ей свою окровавленную шпагу, а потом показал на мёртвую крысу, и она всё поняла.

Позвав служанку, она велела ей сейчас же взять крысу щипцами и выбросить вон за окошко. И тут обе женщины заметили отрубленный хвост другой крысы. Он лежал у самых ног Гулливера, длинный, как пастушеский кнут.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

У хозяев Гулливера была дочка — хорошенькая, ласковая и смышлёная девочка.

Ей было уже девять лет, но для своего возраста она была очень маленькая — всего с какой-нибудь трёхэтажный домик, да и то без всяких флюгеров и башен.

У девочки была кукла, для которой она шила нарядные рубашечки, платья и передники.

Но с тех пор, как в доме появилась удивительная живая куколка, она и смотреть больше не хотела на старые игрушки.

Свою прежнюю любимицу она сунула в какую-то коробку, а её колыбельку отдала Гулливеру.

Колыбельку днём держали в одном из ящиков комода, а вечером ставили на полку, прибитую под самым потолком, чтобы крысы не могли добраться до Гулливера.

Девочка смастерила для своего «грильдрига» (на языке великанов «грильдриг» значит «человечек») подушку, одеяльце и простыни. Она сшила ему семь рубашек из самого тонкого полотняного лоскутка, какой только могла найти, и всегда сама стирала для него бельё и чулки.

У этой девочки Гулливер стал учиться языку великанов.

Он показывал пальцем на какой-нибудь предмет, и девочка несколько раз подряд внятно повторяла, как он называется.

Она так заботливо ухаживала за Гулливером, так терпеливо учила его говорить, что он прозвал её своей «глюмдальклич», то есть нянюшкой.

Через несколько недель Гулливер стал понемногу понимать, о чём говорят вокруг него, и сам с грехом пополам мог объясняться с великанами.

А между тем слух о том, что его хозяин нашёл у себя на поле удивительного зверька, распространился по всем окрестностям.

Говорили, что зверёк крошечный, меньше белки, но с виду очень похож на человека: ходит на двух ногах, стрекочет на каком-то своём наречии, но уже немного научился говорить и на человечьем языке. Он понятливый, послушный, охотно идёт на зов и делает всё, что ему приказывают. Мордочка у него беленькая — нежнее и белее, чем лицо у трёхлетней девочки, а шёрстка на голове шелковистая и мягкая, как пух.

И вот в один прекрасный день в гости к хозяевам приехал их старый приятель.

Он сразу же спросил у них, правда ли, что они нашли какого-то удивительного зверька, и в ответ на это хозяева велели своей дочке принести Грильдрига.

Девочка принесла Гулливера и поставила его на стул.

Гулливеру пришлось показать всё, чему научила его Глюмдальклич.

Он маршировал вдоль и поперёк стола, по команде вынимал из ножен свою шпагу и вкладывал её обратно, кланялся гостю, спрашивал у него, как он поживает, и просил приходить почаще.

Старику понравился диковинный человечек. Чтобы получше разглядеть Грильдрига, он надел очки, и Гулливер, взглянув на него, не мог удержаться от смеха: очень уж похожи были его глаза на полную луну, когда она заглядывает в каюту через круглое корабельное окошко.

Глюмдальклич сразу поняла, что так рассмешило Гулливера, и тоже фыркнула.

Гость обиженно поджал губы:

— Очень весёлый зверёк! — сказал он. — Но мне кажется, для вас будет выгоднее, если люди станут смеяться над ним, а не он будет смеяться над людьми.

И старик тут же посоветовал хозяину отвезти Гулливера в ближайший город, до которого было всего полчаса езды, то есть около двадцати двух миль, и в первый же базарный день показать его там за деньги.

Гулливер уловил и понял всего несколько слов из этого разговора, но он сразу почувствовал, что против него затевается что-то неладное.

Глюмдальклич подтвердила его опасения.

Обливаясь слезами, она сказала, что, видно, папа и мама опять хотят поступить с ней так же, как в прошлом году, когда они подарили ей барашка: не успела она его откормить, как они продали его мяснику. И нынче то же самое: они уже

отдали ей Грильдрига совсем, а теперь собираются возить его по ярмаркам.

Сначала Гулливер очень огорчился: ему обидно было думать, что его хотят показывать на ярмарке, как учёную обезьянку или морскую свинку.

Но потом в голову ему пришло, что, если он будет безвыездно жить в доме у своего хозяина, он так и состарится в кукольной колыбельке или в ящике комода.

А во время странствий по ярмаркам — кто знает? — судьба его может перемениться.

И он с надеждой стал ожидать первой поездки.

ГЛАВА ПЯТАЯ

И вот этот день настал.

Чуть свет хозяин со своей дочкой и Гулливером тронулись в путь. Они ехали верхом на одной лошади: хозяин впереди, дочка позади, а Гулливер — в ящике, который держала в руках девочка.

Лошадь бежала такой крупной рысью, что Гулливеру казалось, будто он опять на корабле, и корабль то взлетает на гребень волны, то проваливается в бездну.

По какой дороге его везут, Гулливер не видел: он сидел, вернее сказать — лежал в тёмном ящике, который его хозяин сколотил накануне, чтобы перевезти маленького человечка из деревни в город.

Окошек в ящике не было. В нём были только небольшая дверца, через которую Гулливер мог входить и выходить, да несколько отверстий в крышке для доступа воздуха.

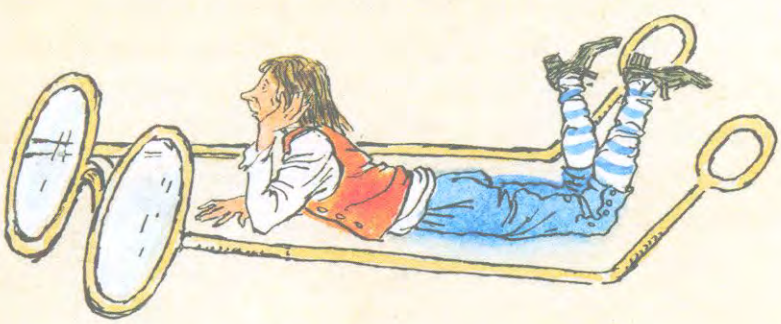
Заботливая Глюмдальклич положила в ящик стёганое одеяло с кроватки своей куклы. Но может ли защитить от ушибов даже самое толстое одеяло, когда при каждом толчке тебя подбрасывает на аршин от пола и швыряет из угла в угол?

Глюмдальклич с тревогой слушала, как её бедный Грильдриг перекатывается с места на место и стукается о стенки.

Чуть только лошадь остановилась, девочка соскочила с седла и, приоткрыв дверцу, заглянула в ящик. Измученный Гулливер с трудом поднялся на ноги и, шатаясь, вышел на воздух.

Всё тело у него болело и перед глазами плыли зелёные круги — так растрясло его за полчаса этой трудной дороги. Если

бы не привычка к океанским штормам и ураганам, у него бы, наверно, началась морская болезнь.

Но долго отдыхать Гулливеру не пришлось. Хозяин не хотел терять ни минуты дорогого времени.

Он снял в гостинице «Зелёный орёл» самую большую комнату, распорядился поставить посередине широкий стол и нанял грультруда, по-нашему сказать — глашатая.

Грультруд обошёл весь город и оповестил жителей, что в гостинице под вывеской «Зелёный орёл» за умеренную плату можно увидеть удивительного зверька.

Этот зверёк чуть больше человеческого пальца, но выглядит как настоящий человек. Он понимает всё, что ему говорят, сам умеет произносить несколько слов и проделывает разные забавные штуки.

Народ валом повалил в гостиницу.

Гулливера поставили на стол, а Глюмдальклич взобралась на табуретку, чтобы охранять его и подсказывать, что он должен делать.

По команде девочки он маршировал взад и вперёд, вынимал из ножен свою шпагу и размахивал ею. Глюмдальклич дала ему соломинку, и он проделывал ею, точно копьём, разные упражнения. Под конец он взял напёрсток, наполненный вином, выпил за здоровье публики и пригласил всех навестить его снова в следующий базарный день.

В комнате, где шло представление, помещалось не больше тридцати человек. А посмотреть на удивительного Грильдрига хотел чуть ли не весь город. Поэтому Гулливеру пришлось двенадцать раз подряд повторять одно и то же представление для новых и новых зрителей. К вечеру он так измучился, что еле ворочал языком и переступал ногами.

Хозяин никому не позволял дотрагиваться до Гулливера: он боялся, что кто-нибудь по неосторожности раздавит ему рёбра или сломает руки или ноги.

На всякий случай он приказал поставить скамейки для зрителей подальше от стола, на котором шло представление. Но это не уберегло Гулливера от неожиданной беды.

Какой-то школьник, сидевший в задних рядах, вдруг привстал, прицелился и запустил прямо в голову Гулливеру большой калёный орех.

Этот орех был величиной с хорошую тыкву, и, если бы Гулливер не отскочил в сторону, он бы наверняка остался без головы.

Мальчишку выдрали за уши и вывели из залы. Но Гулливеру с этой минуты стало как-то не по себе. Соломинка показалась ему тяжёлой, а вино в напёрстке — слишком крепким и кислым. Он был от души рад, когда Глюмдальклич спрятала его в ящик и захлопнула за ним дверцу.

После первого представления у Гулливера началась трудная жизнь.

Каждый базарный день его привозили в город, и он с утра до вечера бегал по столу, потешая публику. Да и дома, в деревне, у него не было ни минуты покоя. Окрестные помещики со своими детьми, наслышавшись рассказов о диковинном человечке, приезжали к его хозяину и требовали, чтобы им показали учёного Грильдрига.

Поторговавшись, хозяин устраивал у себя дома представление. Гости уезжали очень довольные и, возвратившись к себе, посылали посмотреть на Гулливера всех своих соседей, знакомых и родственников.

Хозяин понял, что показывать Гулливера очень выгодно.

Недолго думая, он решил объехать с ним все крупные города страны великанов.

Сборы были недолгие. 17 августа 1703 года, ровно через два месяца после того, как Гулливер сошёл с корабля, хозяин, Глюмдальклич и Гулливер отправились в дальнюю дорогу.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Страна великанов называлась Бробдингнег, а главный город её — Лорбрульгруд, что значит по-нашему «гордость Вселенной».

Столица находилась как раз в середине страны, и для того, чтобы попасть в неё, Гулливеру и его огромным спутникам пришлось переправиться через шесть широких рек. По сравнению с ними реки, которые он видел у себя на родине и в других странах, казались узенькими, мелкими ручейками.

Путешественники проехали восемнадцать городов и множество деревень, но Гулливер почти не видел их. Его возили по ярмаркам не для того, чтобы показывать ему всякие диковины, а для того, чтобы его самого показывать, словно диковину.

Как всегда, хозяин ехал верхом, а Глюмдальклич сидела позади него и держала на коленях ящик с Гулливером.

Но перед этим путешествием девочка обила стенки ящика толстой, мягкой материей, пол устлала матрацами, а в угол поставила кроватку своей куклы.

И всё-таки Гулливер сильно уставал от непрерывной качки и тряски.

Девочка заметила это и уговорила отца ехать помедленнее и останавливаться почаще.

Когда Гулливеру надоедало сидеть в тёмном ящике, она вынимала его оттуда и ставила на крышку, чтобы он мог подышать свежим воздухом и полюбоваться за́мками, полями и рощами, мимо которых они проезжали. Но при этом она всегда крепко держала его за помочи.

Если бы Гулливер свалился с такой высоты, он бы, наверно, умер от страха, ещё не долетев до земли. Но в руках у своей нянюшки он чувствовал себя в безопасности и с любопытством глядел по сторонам.

По старой привычке опытного путешественника Гулливер даже во время самых трудных переездов старался не терять времени даром. Он прилежно учился у своей Глюмдальклич, запоминал новые слова и с каждым днём всё лучше и лучше говорил по-бробдингнежски.

Глюмдальклич всегда возила с собой маленькую карманную книжку, чуть побольше географического атласа. Это были правила поведения примерных девочек. Она показала Гулливеру буквы, и он скоро научился по этой книжке бегло читать.

Узнав о его успехах, хозяин стал заставлять Гулливера читать вслух разные книжки во время представления. Это очень забавляло зрителей, и они целыми толпами сбегались посмотреть на грамотного кузнечика.

Хозяин показывал Гулливера в каждом городе и в каждой деревне. Иногда он сворачивал с дороги и заезжал в за́мок какого-нибудь знатного вельможи.

Чем больше представлений давали они в пути, тем толще становился кошелёк хозяина и тем тоньше делался бедный Грильдриг.

Когда наконец путешествие их окончилось и они прибыли в столицу, Гулливер от усталости еле держался на ногах.

Но хозяин и думать не хотел ни о какой передышке. Он нанял в гостинице большую залу, велел поставить в ней стол, нарочно обнесённый перильцами, чтобы Гулливер как-нибудь случайно не свалился на пол, и расклеил по всему городу афиши, где

чёрным по белому было сказано: «Кто не видел учёного Гильдрига, тот не видел ничего!».

Представления начались. Иной раз Гулливеру приходилось показываться публике по десяти раз в день.

Он чувствовал, что долго ему этого не выдержать. И часто, маршируя по столу со своей соломинкой в руках, думал о том, как грустно окончить свой век на этом столе с перильцами, под хохот праздной публики.

Но как раз тогда, когда Гулливеру казалось, что несчастнее его нет никого на всей земле, судьба его неожиданно переменилась к лучшему.

В одно прекрасное утро в гостиницу явился один из адъютантов короля и потребовал, чтобы Гулливера немедленно доставили во дворец.

Оказалось, что накануне две придворные дамы видели учёного Грильдрига и так много рассказывали о нём королеве, что та захотела непременно поглядеть на него сама и показать своим дочкам.

Глюмдальклич надела своё лучшее парадное платье, собственноручно умыла и причесала Гулливера и понесла его во дворец. В этот день представление удалось ему на славу. Никогда ещё он не орудовал шпагой и соломинкой так ловко, никогда не маршировал так чётко и весело. Королева была в восторге. Она милостиво протянула Гулливеру свой мизинец, и Гулливер, бережно обхватив двумя руками, приложился к её ногтю. Ноготь у королевы был гладкий, отполированный, и, целуя его, Гулливер ясно увидел в нём своё лицо, будто в овальном зеркале. Тут только он заметил, что за последнее время сильно переменился: побледнел, похудел и на висках у него появились первые седые волосы.

Королева задала Гулливеру несколько вопросов. Ей хотелось узнать, где он родился, где жил до сих пор, как и когда попал в Бробдингнег. Гулливер отвечал на всё точно, коротко, вежливо и так громко, как только мог.

Тогда королева спросила Гулливера, хочет ли он остаться у неё во дворце. Гулливер ответил, что он будет счастлив служить такой прекрасной, милостивой и мудрой королеве, если только его хозяин согласится отпустить его на волю.

— Он согласится! — сказала королева и сделала какой-то знак своей придворной даме.

Через несколько минут хозяин Гулливера уже стоял перед королевой.

— Я беру себе этого человечка, — сказала королева. — Сколько ты хочешь получить за него?

Хозяин задумался. Показывать Гулливера было очень выгодно. Но долго ли ещё можно будет его показывать? Он с каждым днём тает, как сосулька на солнце, и, кажется, скоро его совсем не будет видно.

— Тысячу золотых! — сказал он.

Королева велела отсчитать ему тысячу золотых, а потом опять обернулась к Гулливеру.

— Ну вот, — сказала она, — теперь ты наш, Грильдриг.

Гулливер прижал руки к сердцу.

— Я низко кланяюсь вашему величеству, — сказал он, — но, если милость ваша равна вашей красоте, я осмелюсь просить мою повелительницу не разлучать меня с моей дорогой Глюмдальклич, моей нянюшкой и учительницей.

— Очень хорошо, — сказала королева. — Она останется при дворе. Здесь её будут учить и хорошо смотреть за нею, а она будет учить тебя и смотреть за тобой.

Глюмдальклич чуть не подпрыгнула от радости. Хозяин был тоже очень доволен. Он никогда и мечтать не мог, что устроит дочку при королевском дворе.

Уложив деньги в свой дорожный мешок, он низко поклонился королеве, а Гулливеру сказал, что желает ему удачи на новой службе.

Гулливер, не отвечая, еле кивнул ему.

— Ты, кажется, сердишься на своего бывшего хозяина, Грильдриг? — спросила королева.

— О нет, — ответил Гулливер. — Но я полагаю, что мне не о чем говорить с ним. До сих пор он сам не разговаривал со мной и не спрашивал меня, могу ли я выступать перед публикой по десяти раз в день. Я обязан ему только тем, что меня не раздавили и не растоптали, когда случайно нашли у него на поле. За это одолжение я с избытком расплатился с ним теми деньгами, которые он нажил, показывая меня по всем городам и деревням страны. Я уж не говорю о тысяче золотых, полученных им от вашего величества за мою ничтожную особу. Этот жадный человек довёл меня чуть ли не до смерти и ни за что не отдал бы меня даже за такую цену, если бы не думал, что я уже не сто́ю ни гроша. Но я надеюсь, что на этот раз он ошибся. Я чувствую приток новых сил и готов усердно служить моей прекрасной королеве и повелительнице.

Королева очень удивилась.

— Я никогда не видала и не слыхала ничего подобного! — воскликнула она. — Это самое рассудительное и красноречивое насекомое из всех насекомых на свете!

И, взяв Гулливера двумя пальцами, она понесла его показать королю.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Король сидел у себя в кабинете и был занят какими-то важными государственными делами.

Когда королева подошла к его столу, он только мельком взглянул на Гулливера и через плечо спросил, давно ли королева пристрастилась к дрессированным мышам.

Королева молча улыбнулась в ответ и поставила Гулливера на стол.

Гулливер низко и почтительно поклонился королю.

— Кто смастерил вам такую забавную заводную игрушку? — спросил король.

Тут королева сделала знак Гулливеру, и он произнёс самое длинное и красивое приветствие, какое только мог придумать.

Король удивился.

Он откинулся на спинку кресла и стал задавать диковинному человечку вопрос за вопросом.

Гулливер отвечал королю подробно и точно. Он говорил чистую правду, но король глядел на него, прищурив глаза, и недоверчиво покачивал головой.

Он приказал позвать трёх самых знаменитых в стране учёных и предложил им хорошенько осмотреть это маленькое редкостное двуногое, чтобы определить, к какому разряду оно принадлежит.

Учёные долго разглядывали Гулливера в увеличительное стекло и наконец решили, что он не зверь, так как ходит на двух ногах и владеет членораздельной речью. Он и не птица, так как у него нет крыльев и, по всей видимости, он не умеет летать. Он не рыба, так как у него нет ни хвоста, ни плавников. Должно быть, он и не насекомое, так как ни в одной учёной книге нет упоминания о насекомых, столь похожих на человека. Однако он и не человек — если судить по его ничтожному росту и еле слышному голосу. Вернее всего, это просто игра природы — «рельплюм сколькатс» по-бробдингнежски.

Услышав это, Гулливер очень обиделся.

— Думайте что хотите, — но я вовсе не игра природы, а самый настоящий человек.

И, попросив у короля разрешения, он подробно рассказал, кто он такой, откуда приехал, где и как жил до сих пор.

— В наших краях обитают миллионы мужчин и женщин такого же роста, как я, — уверял он короля и учёных. — Наши горы, реки и деревья, наши дома и башни, лошади, на которых мы ездим, звери, на которых мы охотимся, — словом, всё, что нас окружает, во столько же раз меньше ваших гор, рек, деревьев и животных, во сколько раз я меньше вас.

Учёные засмеялись и сказали, что они для того и учились так долго, чтобы не верить нелепым басням, но король понял, что Гулливер не лжёт.

Он отпустил учёных, позвал к себе в кабинет Глюмдальклич и велел разыскать её отца, который, к счастью, ещё не успел выехать из города.

Он долго расспрашивал их обоих, как и в каком месте был найден Гулливер, и ответы их вполне убедили его в том, что Гулливер говорит правду.

— Если это и не человек, — сказал король, — то, во всяком случае, человечек.

И он попросил королеву беречь Гулливера и заботиться о нём как можно лучше. Королева охотно обещала взять Гулливера под своё покровительство. Умный и вежливый Грильдриг понравился ей гораздо больше, чем её прежний любимец — карлик. Этот карлик до сих пор считался самым маленьким человеком в стране. Он был ростом всего в четыре сажени и еле доходил до плеча девятилетней Глюмдальклич. Но разве можно было сравнить его с Грильдригом, который помещался у королевы на ладони!

Королева отвела Гулливеру комнату рядом со своими собственными покоями. В этих комнатах поселилась Глюмдальклич с учительницей и служанками, а сам Гулливер приютился на маленьком столике под окошком, в красивом ореховом ящике, который служил ему спальней.

Этот ящик изготовил по особому заказу королевы придворный столяр. Ящик был длиной в шестнадцать шагов, а шириной — в двенадцать. С виду он походил на небольшой домик: светлые окошки со ставнями, резная дверь с висячим замком, — только крыша у домика была плоская. Эта крыша поднималась и

опускалась на петлях. Каждое утро Глюмдальклич поднимала её и прибирала спальню Гулливера.

В спальне стояли два платяных шкафа, удобная кровать, комод для белья, два стола и два кресла с подлокотниками. Все эти вещи сделал для Гулливера игрушечный мастер, который славился своим умением резать из кости и дерева изящные безделушки.

Кресла, комод и столики изготовили из какого-то материала, похожего на слоновую кость, а кровать и шкафы — из орехового дерева, как и весь домик.

Для того чтобы Гулливер невзначай не ушибся, когда его домик будут переносить с места на место, стены, потолок и пол спальни обили мягким и толстым войлоком.

Дверной замо́к был заказан по особой просьбе Гулливера: он очень боялся, чтобы к нему в дом не проникла какая-нибудь любопытная мышь или жадная крыса.

После нескольких неудач слесарь смастерил наконец самый маленький замочек из всех, какие ему когда-либо приходилось делать.

А между тем у себя на родине Гулливер только один раз в жизни видел замо́к таких размеров. Он висел на воротах одной барской усадьбы, хозяин которой славился своей скупостью.

Ключ от замка́ Гулливер носил у себя в кармане, потому что Глюмдальклич боялась потерять такую крошечную вещицу. Да и зачем ей был нужен этот ключ? В дверь она всё равно войти не могла, а для того, чтобы посмотреть, что делается в домике, или достать оттуда Гулливера, довольно было приподнять крышу.

Королева позаботилась не только о жилище своего Грильдрига, но и о новом платье для него.

Костюм ему сшили из самой тонкой шёлковой материи, какая только нашлась в государстве. И всё же эта материя оказалась толще самых плотных английских одеял и очень беспокоила Гулливера, пока он не привык к ней. Сшит был костюм по местной моде: шаровары вроде персидских, а кафтан вроде китайского. Гулливеру очень понравился этот покрой. Он нашёл его вполне удобным и приличным.

Королева и обе её дочки так полюбили Гулливера, что никогда не садились обедать без него.

На королевский стол возле левого локтя королевы ставили столик и стул для Гулливера. Ухаживала за ним во время обеда его нянюшка — Глюмдальклич. Она наливала ему вино, наклады-

вала на тарелки кушанья и следила, чтобы кто-нибудь не перевернул и не уронил его вместе со столиком и стулом.

У Гулливера был свой особый серебряный сервиз: тарелки, блюда, супник, соусники и салатники.

Конечно, по сравнению с посудой королевы этот сервиз казался игрушечным, но он был очень хорошо сделан.

После обеда Глюмдальклич сама мыла и чистила тарелки, блюда и миски, а потом прятала всё в серебряную шкатулочку. Эту шкатулочку она всегда носила у себя в кармане.

Королеве было очень забавно смотреть, как ест Гулливер. Часто она сама подкладывала ему на тарелку кусочек говядины или птицы и с улыбкой следила за тем, как медленно съедает он свою порцию, которую любой трёхлетний ребёнок проглотил бы в один приём.

Зато Гулливер с невольным страхом наблюдал, как уплетают свой обед королева и обе принцессы.

Королева часто жаловалась на плохой аппетит, но тем не менее она сразу брала в рот такой кусок, которого хватило бы на обед целой дюжине английских фермеров после жатвы. Пока Гулливер не привык, он закрывал глаза, чтобы не видеть, как грызёт королева крылышко рябчика, которое в десять раз больше крыла обыкновенной индейки, и откусывает кусок хлеба размером с две деревенские ковриги. Она, не отрываясь, выпивала золотой кубок, а в этом кубке помещалась целая бочка вина. Её столовые ножи и вилки были вдвое больше полевой косы. Один раз Глюмдальклич, взяв на руки Гулливера, показала ему разом дюжину ярко начищенных ножей и вилок, Гулливер не мог смотреть на них спокойно. Сверкающие острия лезвий и огромные зубья, длинные, точно копья, привели его в трепет.

Когда королева узнала об этом, она громко засмеялась и спросила своего Грильдрига, все ли его земляки так боязливы, что не могут видеть без трепета простой столовый нож и готовы удирать от обыкновенной мухи.

Её всегда очень смешило, когда Гулливер с ужасом вскакивал с места, оттого что несколько мух, жужжа, подлетали к его столу. Для неё-то эти огромные большеглазые насекомые величиной с дрозда были и вправду не страшнее мухи, а Гулливер не мог и думать о них без отвращения и досады.

Эти назойливые, жадные твари никогда не давали ему спокойно пообедать. Они запускали свои грязные лапы в его тарелку. Они садились к нему на голову и кусали его до крови. Сначала

Гулливер просто не знал, как от них отделаться, и в самом деле готов был бежать куда глаза глядят от надоедливых и дерзких побирушек. Но потом он нашёл способ защиты.

Выходя к обеду, он брал с собой свой морской кортик и, чуть только мухи подлетали к нему, быстро вскакивал с места и — раз! раз! — на лету рассекал их на части.

Когда королева и принцесса увидели это сражение в первый раз, они пришли в такой восторг, что рассказали о нём королю. И на другой день король нарочно обедал вместе с ними, чтобы только поглядеть, как Грильдриг воюет с мухами.

В этот день Гулливер рассёк своим кортиком несколько больших мух, и король очень хвалил его за храбрость и ловкость.

Но драться с мухами — это ещё было не такое трудное дело. Как-то раз Гулливеру пришлось выдержать схватку с противником пострашней.

Случилось это в одно прекрасное летнее утро. Глюмдальклич поставила ящик с Гулливером на подоконник, чтобы он мог подышать свежим воздухом. Он никогда не позволял вешать своё жилище за окном на гвозде, как вешают иногда клетки с птицами.

Открыв пошире все окна и двери у себя в домике, Гулливер сел в кресло и стал закусывать. В руках у него был большой кусок сладкого пирога с вареньем. Как вдруг штук двадцать ос влетело в комнату с таким жужжанием, будто разом заиграли два десятка боевых шотландских волынок. Осы очень любят сладкое и, наверное, издалека почуяли запах варенья. Отталкивая друг друга, они кинулись на Гулливера, отняли у него пирог и мигом раскрошили на кусочки.

Те, кому ничего не досталось, носились над головой Гулливера, оглушая его жужжанием и грозя своими страшными жалами.

Но Гулливер был не робкого десятка. Он не растерялся: схватил свою шпагу и кинулся на разбойниц. Четырёх он убил, остальные обратились в бегство.

После этого Гулливер захлопнул окна и двери и, передохнув немного, принялся рассматривать трупы своих врагов. Осы были величиной с крупного тетерева. Жала их, острые, как иголки, оказались длиннее, чем перочинный нож Гулливера. Хорошо, что ему удалось избежать укола этих отравленных ножей!

Осторожно завернув всех четырёх ос в полотенце, Гулливер спрятал их в нижний ящик своего комода.

— Если мне ещё суждено когда-нибудь вернуться на родину, — сказал он себе, — я подарю их той школе, где я учился.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Дни, недели и месяцы в стране великанов были не длиннее и не короче, чем во всех других краях света. И бежали они друг за другом так же быстро, как и всюду.

Понемногу Гулливер привык видеть вокруг себя людей выше деревьев и деревья выше гор.

Как-то раз королева поставила его к себе на ладонь и подошла с ним вместе к большому зеркалу, в котором оба они были видны с головы до пят.

Гулливер невольно засмеялся. Ему вдруг показалось, что королева самого обыкновенного роста, точь-в-точь такая, как все люди на свете, а вот он, Гулливер, сделался меньше, чем был, по крайней мере в двенадцать раз.

Мало-помалу он перестал удивляться, замечая, что люди прищуривают глаза, чтобы посмотреть на него, и подносят ладонь к уху, чтобы услышать, что он говорит.

Он знал заранее, что чуть ли не всякое его слово покажется великанам смешным и странным, и чем серьёзнее он будет рассуждать, тем громче они будут смеяться. Он уже не обижался на них за это, а только думал с горечью: «Может быть, и мне было бы смешно, если бы канарейка, которая живёт у меня дома в такой хорошенькой золочёной клетке, вздумала произносить речи о науке и политике».

Впрочем, Гулливер не жаловался на свою судьбу. С тех пор как он попал в столицу, ему жилось совсем неплохо. Король и королева очень любили своего Грильдрига, а придворные были с ним весьма любезны.

Один только враг был у Гулливера. И как зорко ни охраняла своего питомца заботливая Глюмдальклич, она всё-таки не смогла уберечь его от многих неприятностей.

Этот враг был карлик королевы. До появления Гулливера он считался самым маленьким человеком во всей стране. Его наряжали, возились с ним, прощали ему дерзкие шутки и надоедливые шалости. Но с тех пор как Гулливер поселился в покоях королевы, и она сама, и все придворные перестали даже замечать карлика.

Карлик ходил по дворцу хмурый, злой и сердился на всех, а больше всего, конечно, на самого Гулливера.

Он не мог равнодушно видеть, как игрушечный человечек стоит на столе и в ожидании выхода королевы запросто беседует с придворными.

Нагло ухмыляясь и гримасничая, карлик начинал подтрунивать над новым королевским любимчиком. Но Гулливер не обращал на это внимания и на каждую шутку отвечал двумя ещё более острыми.

Тогда карлик стал придумывать, как бы иначе досадить Гулливеру. И вот однажды за обедом, дождавшись минуты, когда Глюмдальклич пошла за чем-то в другой конец комнаты, он взобрался на подлокотник кресла королевы, схватил Гулливера, который, не подозревая об угрожавшей ему опасности, спокойно сидел за своим столиком, и с размаху бросил его в серебряную чашку со сливками.

Гулливер камнем пошёл ко дну, а злой карлик опрометью выбежал из комнаты и забился в какой-то тёмный угол.

Королева до того перепугалась, что ей даже в голову не пришло протянуть Гулливеру кончик мизинца или чайную ложку. Бедный Гулливер барахтался в белых густых волнах и уже, наверное, проглотил целый ушат холодных, как лёд, сливок, когда наконец подбежала Глюмдальклич. Она выхватила его из чашки и завернула в салфетку.

Гулливер быстро согрелся, и неожиданная ванна не причинила ему большого вреда.

Он отделался лёгким насморком, но с этих пор не мог без отвращения даже смотреть на сливки.

Королева сильно разгневалась и приказала строго наказать своего прежнего любимца.

Карлика больно высекли и заставили выпить чашку сливок, в которых выкупался Гулливер.

После этого карлик две недели вёл себя примерно: оставил Гулливера в покое и приветливо улыбался ему, когда проходил мимо.

Все — даже осторожная Глюмдальклич и сам Гулливер — перестали опасаться его.

Но оказалось, что карлик только ждал удобного случая, чтобы за всё рассчитаться со своим счастливым соперником. Этот случай, как и в первый раз, представился ему за обедом.

Королева положила себе на тарелку мозговую кость, достала из неё мозг и отодвинула тарелку в сторону.

В это время Глюмдальклич пошла к буфету, чтобы налить Гулливеру вина. Карлик подкрался к столу и, прежде чем Гул-

ливер успел опомниться, засунул его чуть ли не по самые плечи в пустую кость.

Хорошо ещё, что кость успела остыть. Гулливер не обжёгся. Но от обиды и неожиданности он чуть не заплакал.

Обиднее всего было то, что королева и принцессы даже не заметили его исчезновения и продолжали преспокойно болтать со своими придворными дамами.

А звать их на помощь и просить, чтобы его вытащили из говяжьей кости, Гулливеру не хотелось. Он решил молчать, чего бы это ему ни стоило.

«Только бы кость не отдали собакам!» — думал он.

Но, на его счастье, к столу вернулась Глюмдальклич с кувшином вина.

Она сразу же увидела, что Гулливера нет на месте, и кинулась искать его.

Что за переполох поднялся в королевской столовой! Королева, принцессы и придворные дамы принялись поднимать и перетряхивать салфетки, заглядывать в миски, стаканы и соусники.

Но всё было напрасно: Грильдриг пропал без следа.

Королева была в отчаянии. Она не знала, на кого ей сердиться, и от этого сердилась ещё больше.

Неизвестно, чем бы окончилась вся эта история, если бы младшая принцесса не заметила головы Гулливера, торчащей из кости, словно из дупла большого дерева.

— Вот он! Вот он! — закричала она.

И через минуту Гулливер был извлечён из кости.

Королева сразу догадалась, кто был виновником этой злой проделки.

Карлика опять высекли, а Гулливера нянюшка унесла отмывать и переодевать.

После этого карлику запретили появляться в королевской столовой, и Гулливер долго не видел своего врага — до тех самых пор, пока не встретился с ним в саду.

Случилось это так. В один жаркий летний день Глюмдальклич вынесла Гулливера в сад и пустила его погулять в тени.

Он пошёл по дорожке, вдоль которой росли его любимые карликовые яблони.

Деревца эти были такие маленькие, что, закинув голову, Гулливер мог без труда разглядеть их верхушки. А яблоки на них росли, как это часто бывает, ещё крупнее, чем на больших деревьях.

Внезапно из-за поворота прямо навстречу Гулливеру вышел карлик.

Гулливер не удержался и сказал, насмешливо поглядев на него:

— Что за чудо! Карлик — среди карликовых деревьев. Это не каждый день увидишь.

Карлик ничего не ответил, только злобно поглядел на Гулливера. И Гулливер пошёл дальше. Но не успел он пройти и трёх шагов, как одна из яблонь затряслась, и множество яблок, с пивной бочонок каждое, с гулким шумом посыпалось на Гулливера.

Одно из них ударило его по спине, сбило с ног, и он плашмя растянулся на траве, закрывая голову руками. А карлик с громким смехом убежал в глубь сада.

Жалобный крик Гулливера и злорадный хохот карлика услыхала Глюмдальклич. Она в ужасе кинулась к Гулливеру, подняла его и отнесла домой.

На этот раз Гулливеру несколько дней пришлось пролежать в постели — так сильно ушибли его тяжёлые яблоки, которые росли на карликовых яблонях в стране великанов. Когда же он наконец встал на ноги, оказалось, что карлика больше нет во дворце.

Глюмдальклич доложила обо всём королеве, а королева так рассердилась на него, что не захотела больше его видеть и подарила одной знатной даме.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Король и королева часто путешествовали по своей стране, и Гулливер обычно сопровождал их.

Во время этих путешествий он понял, почему никто никогда не слыхал о государстве Бробдингнег.

Страна великанов расположена на огромном полуострове, отделённом от большой земли цепью гор. Горы эти такие высокие, что перебраться через них совершенно немыслимо. Они отвесны, обрывисты, и среди них много действующих вулканов. Потоки огненной лавы и тучи пепла преграждают путь к этому исполинскому горному хребту. С остальных трёх сторон полуостров окружён океаном. Но берега́ полуострова так густо усеяны острыми скалами, а море в этих местах такое бурное, что пристать к берегам Бробдингнега не смог бы даже самый опытный моряк.

Только по какой-то счастливой случайности кораблю, на котором плыл Гулливер, удалось подойти к этим неприступным скалам.

Обычно даже щепки от разбитых кораблей не доплывают до неприветливых, пустынных берегов.

Рыбаки не строят здесь своих хижин и не развешивают сетей.

Морскую рыбу, даже самую крупную, они считают мелкой и костлявой. И неудивительно! Морская рыба заходит сюда издалека — из тех мест, где все живые существа гораздо меньше, чем в Бробдингнеге. Зато в местных реках попадаются форели и окуни величиной с большую акулу.

Впрочем, когда морские бури прибивают к прибрежным скалам китов, рыбаки иногда ловят их в свои сети.

Гулливеру как-то раз случилось увидеть довольно крупного кита на плече у одного молодого рыбака.

Этого кита купили потом для королевского стола, и он был подан в большом блюде с подливкой из разных пряностей.

Китовое мясо считается в Бробдингнеге редкостью, но оно не понравилось ни королю, ни королеве. Они нашли, что речная рыба гораздо вкуснее и жирнее.

За лето Гулливер изъездил страну великанов вдоль и поперёк. Чтобы ему было удобнее путешествовать и чтобы Глюмдальклич не уставала от большого тяжёлого ящика, королева заказала для своего Грильдрига особый дорожный домик.

Это был квадратный ящичек всего в двенадцать шагов длины и ширины. В трёх стенках его проделали по окошку и затянули их лёгкой решёткой из железной проволоки. К четвёртой, глухой стене были приделаны две прочные пряжки.

Если Гулливеру хотелось ехать на лошади, а не в карете, верховой ставил ящик на подушку у себя на коленях, продевал в эти пряжки широкий кожаный ремень и пристёгивал к своему поясу.

Гулливер мог переходить от окошка к окошку и с трёх сторон осматривать окрестности.

В ящике находились походная постель — гамак, подвешенный к потолку, — два стула и комод. Все эти вещи были крепко привинчены к полу для того, чтобы они не падали и не опрокидывались от дорожной тряски.

Когда Гулливер и Глюмдальклич отправлялись в город за покупками или просто так, погулять, Гулливер входил в свой дорожный кабинет, а Глюмдальклич садилась в открытые носилки и ставила ящичек с Гулливером к себе на колени.

Четыре носильщика неторопливо несли их по улицам Лорбрульгруда, а вслед за носилками шла целая толпа народу. Всем хотелось бесплатно посмотреть на королевского Грильдрига. Время от времени Глюмдальклич приказывала носильщикам остановиться, доставала Гулливера из ящика и ставила его себе на ладонь, чтобы любопытным было удобнее его рассматривать.

Когда шёл дождь, Глюмдальклич и Гулливер выезжали по делам и на прогулку в карете. Карета была величиной с шестиэтажный дом, поставленный на колёса. Но это была самая маленькая из всех карет её величества. Остальные были гораздо больше.

Гулливер, который всегда был очень любознателен, с интересом осматривал различные достопримечательности Лорбрульгруда.

Где только он не побывал! И в главном храме, которым так гордятся бробдингнежцы, и на большой площади, где устраиваются военные парады, и даже в здании королевской кухни...

Вернувшись домой, он сейчас же раскрывал свой путевой журнал и вкратце записывал впечатления.

Вот что написал он после возвращения из храма:

«Здание действительно великолепное, хоть колокольня его вовсе не так уж высока, как говорят здешние жители. В ней нет и полной версты. Стены сложены из тёсаных камней какой-то местной породы. Они очень толстые и прочные. Если судить по глубине бокового входа, толщина их равняется сорока восьми шагам. В глубоких нишах стоят прекрасные мраморные статуи. Они выше живых бробдингнежцев по крайней мере в полтора раза. Мне удалось разыскать в куче мусора отломанный мизинец одной статуи. По моей просьбе Глюмдальклич поставила его стоймя рядом со мной, и оказалось, что он доходит мне до уха. Глюмдальклич завернула этот обломок в платок и принесла домой. Я хочу присоединить его к другим безделушкам моей коллекции».

После парада бробдингнежских войск Гулливер написал:

«Говорят, на поле было не больше двадцати тысяч пехотинцев и шести тысяч кавалеристов, но я ни за что не мог бы сосчитать их — такое огромное пространство занимала эта армия. Мне пришлось смотреть парад издалека, так как иначе я бы ничего не увидел, кроме ног.

Это было очень величественное зрелище. Мне казалось, что каски всадников касаются своими остриями облаков. Земля гудела под копытами коней. Я видел, как все кавалеристы по команде обнажили сабли и взмахнули ими в воздухе. Кто не бывал в Бробдингнеге, пусть даже не пытается вообразить себе эту картину. Шесть тысяч молний разом вспыхнули со всех сторон небесного свода. Куда бы ни занесла меня судьба, я не забуду этого».

О королевской кухне Гулливер написал в своём журнале всего несколько строк:

«Я не знаю, как изобразить словами эту кухню. Если я самым правдивым и честным образом буду описывать все эти котлы, горшки, сковородки, если я попробую рассказать, как повара поджаривают на вертеле поросят величиной с индийского слона и оленей, рога которых похожи на большие ветвистые деревья, мои соотечественники мне скажут, что я преувеличиваю. А если я из осторожности что-нибудь преуменьшу, все бробдингнежцы, начиная от короля и кончая последним поварёнком, обидятся на меня.

Поэтому я предпочитаю промолчать».

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Иногда Гулливеру хотелось побыть одному. Тогда Глюмдальклич выносила его в сад и пускала побродить среди колокольчиков и тюльпанов.

Гулливер любил такие одинокие прогулки, но часто они кончались большими неприятностями.

Один раз Глюмдальклич, по просьбе Гулливера, оставила его одного на зелёной лужайке, а сама вместе со своей учительницей пошла в глубь сада.

Неожиданно надвинулась туча, и сильный частый град посыпался на землю.

Первый же порыв ветра сбил Гулливера с ног. Градины, крупные, как теннисные мячи, хлестали его по всему телу. Кое-как, на четвереньках, ему удалось добраться до грядок с тмином. Там он уткнулся лицом в землю и, накрывшись каким-то листком, переждал непогоду.

Когда буря утихла, Гулливер измерил и взвесил несколько градин и убедился, что они в тысячу восемьсот раз больше и тяжелее тех, которые ему приходилось видеть в других странах.

Эти градины так больно исколотили Гулливера, что он был весь в синяках и должен был десять дней отлёживаться у себя в ящике.

В другой раз с ним случилось приключение более опасное.

Он лежал на лужайке под кустом маргариток и, занятый какими-то размышлениями, не заметил, что к нему подбежала собака одного из садовников — молодой резвый сеттер.

Гулливер не успел и крикнуть, как собака схватила его зубами, опрометью побежала в другой конец сада и положила там у ног своего хозяина, радостно виляя хвостом. Хорошо ещё, что собака умела носить поноску. Она умудрилась принести Гулливера так осторожно, что даже не прокусила на нём платье.

Однако же бедный садовник, видя королевского Грильдрига в зубах у своей собаки, перепугался до смерти. Он бережно поднял Гулливера обеими руками и стал расспрашивать, как он себя чувствует. Но от потрясения и страха Гулливер не мог выговорить ни слова.

Только через несколько минут он пришёл в себя, и тогда садовник отнёс его обратно на лужайку.

Глюмдальклич была уже там.

Бледная, вся в слезах, она металась взад и вперёд и звала Гулливера.

Садовник с поклоном вручил ей господина Грильдрига.

Девочка внимательно осмотрела своего питомца, увидела, что он цел и невредим, и с облегчением перевела дух.

Утирая слёзы, она стала укорять садовника за то, что тот впустил в дворцовый сад собаку. А садовник и сам был этому не рад. Он божился и клялся, что больше никогда не подпустит даже к решётке сада ни одной собаки — ни своей, ни чужой, — пусть только госпожа Глюмдальклич и господин Грильдриг не говорят об этом случае её величеству.

В конце концов на том и порешили.

Глюмдальклич согласилась молчать, так как боялась, что королева на неё рассердится, а Гулливеру совсем не хотелось, чтобы придворные смеялись над ним и рассказывали друг другу, как он побывал в зубах у разыгравшегося щенка.

После этого случая Глюмдальклич твёрдо решила ни на минуту не отпускать от себя Гулливера.

Гулливер давно уже опасался такого решения и поэтому скрывал от своей нянюшки разные мелкие приключения, которые то и дело случались с ним, когда её не было поблизости.

Один раз коршун, паривший над садом, камнем упал прямо на него. Но Гулливер не растерялся, выхватил из ножен свою шпагу и, обороняясь ею, бросился в заросли кустов.

Если бы не этот ловкий манёвр, коршун, наверно, унёс бы его в своих когтях.

В другой раз во время прогулки Гулливер взобрался на вершину какого-то холмика и вдруг по шею провалился в нору, вырытую кротом.

Трудно даже рассказать, чего ему стоило выбраться оттуда, но он всё-таки выбрался сам, без посторонней помощи, и ни одним словом ни одной живой душе не обмолвился об этом происшествии.

В третий раз он вернулся к Глюмдальклич хромая и сказал ей, что слегка подвернул ногу. На самом деле, гуляя в одиночестве и вспоминая свою милую Англию, он нечаянно наткнулся на раковину улитки и чуть было не сломал себе ступню.

Странное чувство испытывал Гулливер во время своих одиноких прогулок: ему было и хорошо, и жутко, и грустно.

Даже самые маленькие птички нисколько не боялись его. Они спокойно занимались своими делами: прыгали, суетились, отыскивали червяков и букашек, как будто Гулливера вовсе и не было возле них.

Однажды какой-то смелый дрозд, задорно чирикнув, подскочил к бедному Грильдригу и клювом выхватил у него из рук кусок пирога, который Глюмдальклич дала ему на завтрак.

Если Гулливер пытался поймать какую-нибудь птицу, она преспокойно поворачивалась к нему и норовила клюнуть прямо в голову или в протянутые руки. Гулливер невольно отскакивал.

Но как-то раз он всё-таки изловчился и, взяв толстую дубинку, так метко запустил ею в какую-то неповоротливую коноплянку, что та повалилась замертво. Тогда Гулливер схватил её обеими руками за шею и с торжеством потащил к нянюшке, чтобы поскорей показать ей свою добычу.

И вдруг птица ожила.

Оказалось, что она вовсе не была убита, а только оглушена сильным ударом палки.

Коноплянка начала кричать и вырываться. Она била Гулливера крыльями по голове, по плечам, по рукам. Ударить его клювом ей не удавалось, потому что Гулливер держал её на вытянутых руках.

Он уже чувствовал, что руки его слабеют и коноплянка вот-вот вырвется и улетит.

Но тут на выручку подоспел один из королевских слуг. Он свернул разъярённой коноплянке голову и отнёс охотника вместе с добычей к госпоже Глюмдальклич.

На следующий день по приказанию королевы коноплянку зажарили и подали Гулливеру на обед.

Птица была немного крупнее, чем лебеди, которых он видел у себя на родине, и мясо её оказалось жестковато.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Гулливер часто рассказывал королеве о своих прежних морских путешествиях.

Королева слушала его очень внимательно и однажды спросила, умеет ли он обращаться с парусами и вёслами.

— Я корабельный врач, — ответил Гулливер, — и всю свою жизнь провёл на море. С парусом я управляюсь не хуже настоящего матроса.

— А не хочешь ли ты, мой милый Грильдриг, покататься на лодке? Я думаю, это было бы очень полезно для твоего здоровья, — сказала королева.

Гулливер только усмехнулся. Самые маленькие лодочки в Бробдингнеге были больше и тяжелее первоклассных военных кораблей его родной Англии. Нечего было и думать справиться с такой лодкой.

— А если я закажу для тебя игрушечный кораблик? — спросила королева.

— Боюсь, ваше величество, что его ждёт судьба всех игрушечных корабликов: морские волны перевернут и унесут его, как ореховую скорлупку!

— Я закажу для тебя и кораблик, и море, — сказала королева.

Через десять дней игрушечных дел мастер изготовил по рисунку и указаниям Гулливера красивую и прочную лодочку со всеми снастями.

В этой лодочке могло бы поместиться восемь гребцов обыкновенной человеческой породы.

Чтобы испытать эту игрушку, её сначала пустили в лохань с водой, но в лохани было так тесно, что Гулливер едва мог пошевелить веслом.

— Не горюй, Грильдриг, — сказала королева, — скоро будет готово твоё море.

И в самом деле через несколько дней море было готово.

По приказу королевы плотник смастерил большое деревянное корыто, длиной в триста шагов, шириной в пятьдесят и глубиной больше, чем в сажень.

Корыто хорошо просмолили и поставили в одной из комнат дворца. Каждые два-три дня воду из него выливали, и двое слуг в каких-нибудь полчаса наполняли корыто свежей водой.

По этому игрушечному морю Гулливер часто катался на своей лодке.

Королева и принцессы очень любили смотреть, как ловко он орудует вёслами.

Иногда Гулливер ставил парус, а придворные дамы с помощью своих вееров то нагоняли попутный ветер, то поднимали целую бурю.

Когда они уставали, на парус дули пажи, и часто Гулливеру было совсем нелегко справиться с таким сильным ветром.

После катания Глюмдальклич уносила лодку к себе в комнату и вешала на гвоздь для просушки.

Однажды Гулливер чуть не утонул в своём корабле. Вот как это произошло.

Старая придворная дама, учительница Глюмдальклич, взяла Гулливера двумя пальцами и хотела посадить в лодку.

Но в эту минуту кто-то окликнул её. Она обернулась, чуть разжала пальцы, и Гулливер выскользнул у неё из руки. Он бы непременно утонул или разбился, рухнув с шестисаженной высоты на край корыта или на деревянные мостки, но, к счастью, зацепился за булавку, торчавшую из кружевной косынки старой дамы. Головка булавки прошла у него под поясом и под рубашкой, и бедняга повис в воздухе, замирая от ужаса и стараясь не шевелиться, чтобы не сорваться с булавки.

А старая дама растерянно глядела вокруг и никак не могла понять, куда же девался Гулливер.

Тут подбежала проворная Глюмдальклич и осторожно, стараясь не поцарапать, освободила Гулливера от булавки.

В этот день прогулка на лодке так и не состоялась. Гулливер чувствовал себя нехорошо, и ему не хотелось кататься.

В другой раз ему пришлось выдержать во время прогулки настоящий морской бой.

Слуга, которому поручено было менять в корыте воду, как-то недоглядел и принёс в воде большую зелёную лягушку. Он перевернул ведро над корытом, выплеснул воду вместе с лягушкой и ушёл.

Лягушка притаилась на дне и, пока Гулливера сажали в лодку, тихонько сидела в углу. Но чуть только Гулливер отчалил от берега, она одним прыжком вскочила в лодку. Лодка так сильно накренилась на одну сторону, что Гулливер должен был всей тяжестью навалиться на другой борт, а не то бы она непременно опрокинулась.

Он налёг на вёсла, чтобы скорей причалить к пристани, но лягушка, словно нарочно, мешала ему. Испуганная суетой, которая поднялась вокруг, она стала метаться взад и вперёд: с носа на корму, с правого борта на левый. При каждом её прыжке Гулливера так и обдавало целыми потоками воды.

Он морщился и сжимал зубы, стараясь уклониться от прикосновения к её скользкой бугристой коже. А ростом эта лягушка была с хорошую породистую корову.

Глюмдальклич, как всегда, кинулась на помощь своему питомцу. Но Гулливер попросил её не беспокоиться. Он смело шагнул к лягушке и ударил её веслом.

После нескольких хороших тумаков лягушка сначала отступила на корму, а потом и вовсе выскочила из лодки.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Был жаркий летний день. Глюмдальклич ушла куда-то в гости, и Гулливер остался один в своём ящике.

Уходя, нянюшка заперла дверь своей комнаты на ключ, чтобы никто не потревожил Гулливера.

Оставшись один, он широко распахнул у себя в домике окна и дверь, уселся поудобнее в кресло, раскрыл свой путевой журнал и взялся за перо.

В запертой комнате Гулливер чувствовал себя в полной безопасности.

Вдруг он ясно услышал, что кто-то спрыгнул с подоконника на пол и шумно пробежал или, вернее, проскакал по комнате Глюмдальклич.

Сердце у Гулливера забилось.

«Тот, кто проникает в комнату не через дверь, а через окно, приходит не в гости», — подумал он.

И, осторожно приподнявшись с места, он выглянул в окошко своей спальни. Нет, это был не вор и не разбойник. Это была всего-навсего ручная обезьянка, любимица всех дворцовых поварят.

Гулливер успокоился и, улыбаясь, принялся наблюдать за её смешными прыжками.

Обезьяна перескочила с кресла Глюмдальклич на другое кресло, посидела немного на верхней полке шкафа, а потом спрыгнула на стол, где стоял домик Гулливера.

Тут уж Гулливер опять испугался, и на этот раз ещё сильнее прежнего.

Он почувствовал, как дом его приподнялся и стал боком. Кресла, стол и комод с грохотом покатились по полу. Этот грохот, видимо, очень понравился обезьяне. Она ещё и ещё раз потрясла домик, а потом с любопытством заглянула в окошко.

Гулливер забился в самый дальний угол и старался не шевелиться.

«Ах, зачем я не спрятался вовремя под кровать! — твердил он про себя. — Под кроватью она бы меня не заметила. А теперь уже поздно. Если я попробую перебежать с места на место или даже переползти, она увидит меня».

И он прижался к стенке так плотно, как только мог. Но обезьяна всё-таки увидела его.

Весело оскалив зубы, она просунула в двери домика лапу, чтобы схватить Гулливера.

Он кинулся в другой угол и забился между кроватью и шкафом. Но и тут страшная лапа настигла его.

Он попробовал вывернуться, ускользнуть, но не смог. Цепко ухватив Гулливера за полу кафтана, обезьяна вытащила его наружу.

От ужаса Гулливер не мог даже закричать.

А между тем обезьяна преспокойно взяла его на руки, как нянька берёт младенца, и стала покачивать и гладить лапой по лицу. Должно быть, она приняла его за детёныша обезьяньей породы.

В эту самую минуту дверь с шумом отворилась, и на пороге комнаты появилась Глюмдальклич.

Обезьяна услышала стук. Одним прыжком она вскочила на подоконник, с подоконника — на карниз, а с карниза по водосточной трубе полезла на крышу.

Она карабкалась на трёх лапах, а в четвёртой держала Гулливера.

Глюмдальклич отчаянно закричала.

Гулливер услышал её испуганный крик, но ответить не мог: обезьяна сдавила его так, что он еле дышал.

Через несколько минут весь дворец был на ногах. Слуги побежали за лестницами и верёвками. Целая толпа теснилась во дворе. Люди стояли, задрав головы, и показывали вверх пальцами.

А там, наверху, на самом гребне крыши, сидела обезьяна. Одной лапой она придерживала Гулливера, а другой набивала ему рот всякой дрянью, которую вытаскивала у себя изо рта. Обезьяны всегда оставляют в защёчных мешках запас полупережёванной пищи.

Если Гулливер пытался отвернуться или стиснуть зубы, она награждала его такими шлепками, что ему поневоле приходилось покоряться.

Слуги внизу покатывались от хохота, а у Гулливера сжималось сердце.

«Вот она, последняя минута!» — думал он.

Кто-то снизу бросил в обезьяну камнем. Этот камень просвистел над самой головой Гулливера.

За первым камнем полетел второй, третий... Хорошо, что офицер дворцовой стражи, опасаясь, как бы люди не убили вместе с обезьяной и королевского Грильдрига, строго запретил бросать в неё камни.

Наконец несколько лестниц было приставлено к стенам здания с разных сторон. Два придворных пажа и четверо слуг стали подниматься наверх.

Обезьяна быстро поняла, что её окружают и что на трёх лапах ей далеко не уйти. Она бросила Гулливера на крышу, в несколько прыжков добралась до соседнего здания и скрылась в слуховом окошке.

А Гулливер остался лежать на пологой гладкой крыше, с минуты на минуту ожидая, что ветер снесёт его вниз, как песчинку.

Но в это время один из пажей успел перебраться с верхней ступеньки лестницы на крышу. Он разыскал Гулливера, сунул его к себе в карман и благополучно доставил вниз.

Глюмдальклич была вне себя от радости. Он схватила своего Грильдрига и понесла домой.

А Гулливер лежал у неё на ладони, как мышонок, замученный кошкой. Дышать ему было нечем: он задыхался от противной жвачки, которой обезьяна набила ему рот.

Глюмдальклич поняла, в чём дело. Она взяла свою самую тоненькую иголочку и осторожно, кончиком, выгребла у Гулливера изо рта всё, что засунула туда обезьяна.

Гулливеру сразу стало легче. Но он был так напуган, так сильно помят обезьяньими лапами, что целых две недели пролежал в кровати.

Король и все придворные каждый день присылали узнать, поправляется ли бедный Грильдриг, а королева сама приходила навещать его.

Она запретила всем придворным без исключения держать во дворце животных. А ту обезьяну, которая чуть не убила Гулливера, приказала убить.

Когда Гулливер встал наконец с постели, король велел позвать его к себе и, смеясь, задал ему три вопроса.

Ему было очень любопытно узнать, как чувствовал себя Гулливер в лапах обезьяны, пришлось ли ему по вкусу её угощение и что бы он стал делать, если бы такое происшествие случилось у него на родине, где некому было бы сунуть его в карман и доставить на землю.

Гулливер вежливо ответил королю только на последний вопрос.

Он сказал, что у него на родине обезьяны не водятся. Их привозят иногда из жарких стран и держат в клетках. Если же какой-нибудь обезьяне удалось бы вырваться из неволи и она посмела бы наброситься на него, он без труда справился бы с ней. Да и не с одной обезьяной, а с целой дюжиной обезьян обыкновенного роста. Он уверен, что и эту огромную обезьяну он сумел бы одолеть, если бы в минуту нападения в руках у него оказалась шпага, а не перо. Достаточно было проколоть чудовищу лапу, чтобы навсегда отбить у него охоту нападать на людей.

Всю эту речь Гулливер произнёс твёрдо и громко, высоко подняв голову и положив руку на рукоятку шпаги.

Он очень не хотел, чтобы кто-нибудь из придворных заподозрил его в трусости.

Но придворные ответили на его речь таким дружным и весёлым хохотом, что Гулливер невольно замолчал.

Он обвёл глазами своих слушателей и с горечью подумал, как трудно человеку добиться уважения со стороны тех, кто смотрит на него свысока.

Эта мысль не раз приходила в голову Гулливеру и позже, в другие времена, когда ему случалось бывать среди высоких особ: королей, герцогов, вельмож; хотя часто эти высокие особы были ниже его на целую голову.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Жители Бробдингнега считают себя красивым народом. Может быть, это и в самом деле так, но Гулливер смотрел на них как будто сквозь увеличительное стекло, и потому они ему не очень нравились.

Их кожа казалась ему слишком толстой и шершавой — он замечал каждый волосок на ней, каждую веснушку. Да и мудрено было не заметить, когда эта веснушка была величиной с блюдечко, а волоски торчали, как острые шипы или как зубья гребёнки. Это навело Гулливера на неожиданную и забавную мысль.

Как-то раз утром он представлялся королю. Короля в это время брил придворный цирюльник.

Беседуя с его величеством, Гулливер невольно посматривал на мыльную пену, в которой чернели толстые, похожие на кусочки железной проволоки волоски.

Когда брадобрей окончил своё дело, Гулливер попросил у него чашку с мыльной пеной. Цирюльник очень удивился такой просьбе, но исполнил её.

Гулливер тщательно выбрал из белых хлопьев сорок самых толстых волосков и положил на окошко сушить. Потом он раздобыл гладкую щепочку и выстругал из неё спинку для гребешка.

С помощью самой тонкой иголки из игольника Глюмдальклич он осторожно просверлил в деревянной спинке на равных расстояниях друг от друга сорок узких отверстий и в эти отверстия вставил волоски. Затем подрезал их, чтобы они были совершенно ровные, и заострил ножиком их концы. Получился прекрасный прочный гребень.

Гулливер был очень рад этому: чуть ли не все зубцы на его прежнем гребешке поломались, и он положительно не знал, где

ему достать новый. В Бробдингнеге не было ни одного мастера, который сумел бы изготовить такую крошечную вещицу. Все любовались новым гребнем Гулливера, и ему захотелось сделать ещё какую-нибудь безделушку.

Он попросил служанку королевы сберечь для него волосы, выпавшие из косы её величества.

Когда их собралось порядочно, он поручил тому самому столяру, который сделал для него комод и кресла, выточить два лёгких деревянных стула.

Предупредив столяра, что спинку и сиденье он изготовит сам из другого материала, Гулливер велел мастеру просверлить в стульях вокруг сиденья и спинки маленькие частые отверстия.

Столяр исполнил всё, что ему было приказано, и Гулливер приступил к работе. Он выбрал из своего запаса самые крепкие волосы и, обдумав заранее узор, вплёл их в те отверстия, которые были для этого проделаны.

Получились прекрасные плетёные стулья в английском стиле. Гулливер торжественно поднёс их королеве. Королева была в восторге от подарка. Она поставила стулья на своём любимом столике в гостиной и показывала их всем, кто к ней приходил.

Она хотела, чтобы Гулливер во время приёмов сидел именно на таком стуле, но Гулливер решительно отказался сидеть на волосах своей повелительницы.

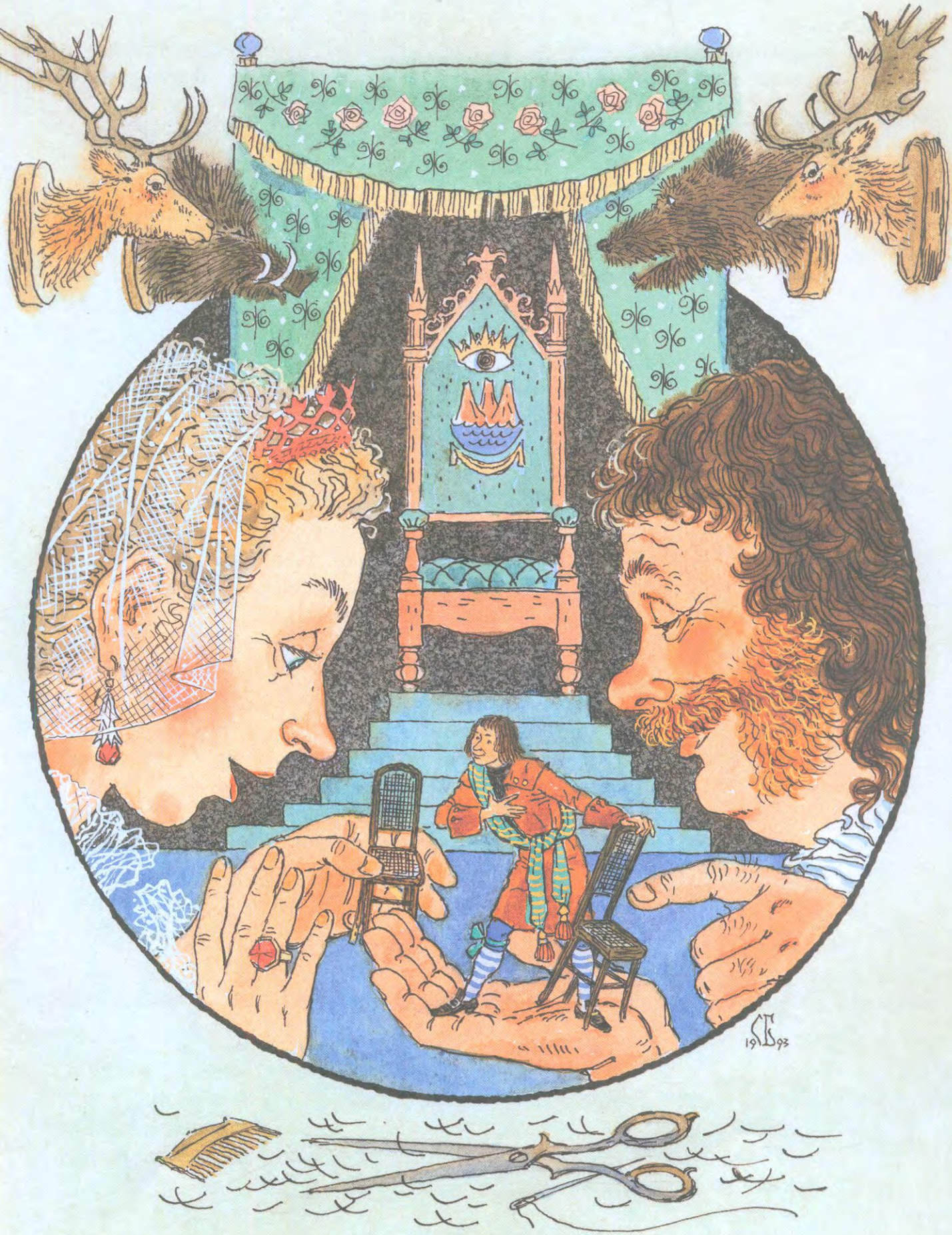
После окончания этой работы у Гулливера осталось ещё много волос королевы, и с разрешения её величества он сплёл из них для Глюмдальклич изящный кошелёк. Кошелёк был только немногим больше тех мешков, в которых у нас возят на мельницу рожь, и не годился для крупных, тяжёлых бробдингнежских монет. Но зато он был очень красив: весь узорный, с золотым вензелем королевы на одной стороне и серебряным вензелем Глюмдальклич — на другой.

Король и королева очень любили музыку, и во дворце у них часто устраивались концерты.

Гулливера тоже приглашали иногда на музыкальные вечера. В таких случаях Глюмдальклич приносила его вместе с ящиком и ставила на какой-нибудь из столиков подальше от музыкантов.

Гулливер плотно затворял все двери и окна у себя в ящике, задергивая портьеры и гардины, зажимал пальцами уши и садился в кресло слушать музыку.

Без этих предосторожностей музыка великанов казалась ему нестерпимым, оглушительным шумом.

Гораздо приятнее были ему звуки небольшого инструмента, похожего на клавикорды. Этот инструмент стоял в комнате у Глюмдальклич, и она училась играть на нём.

Гулливер и сам недурно играл на клавикордах, и вот ему захотелось познакомить короля и королеву с английскими песнями. Это оказалось нелёгким делом.

Длина инструмента равнялась шестидесяти шагам, а каждая клавиша была шириной чуть ли не в целый шаг. Стоя на одном месте, Гулливер не мог бы играть больше, чем на четырёх клавишах: до других ему было не дотянуться. Поэтому он должен был бегать справа налево и слева направо — от басов к дискантам и обратно. А так как инструмент был не только длинный, но и высокий, то бегать ему приходилось не по полу, а по скамейке, которую специально для него приготовили столяры и которая была точно такой же длины, как инструмент.

Бегать вдоль клавикордов взад и вперёд было очень утомительно, но ещё труднее было нажимать тугие клавиши, рассчитанные на пальцы великанов.

Сначала Гулливер пробовал ударять по клавишам кулаком, но это было так больно, что он попросил изготовить для него две дубинки. С одного конца эти дубинки были толще, чем с другого, а для того, чтобы при ударе они не слишком стучали по клавишам, Гулливер обтянул их толстые концы мышиной кожей.

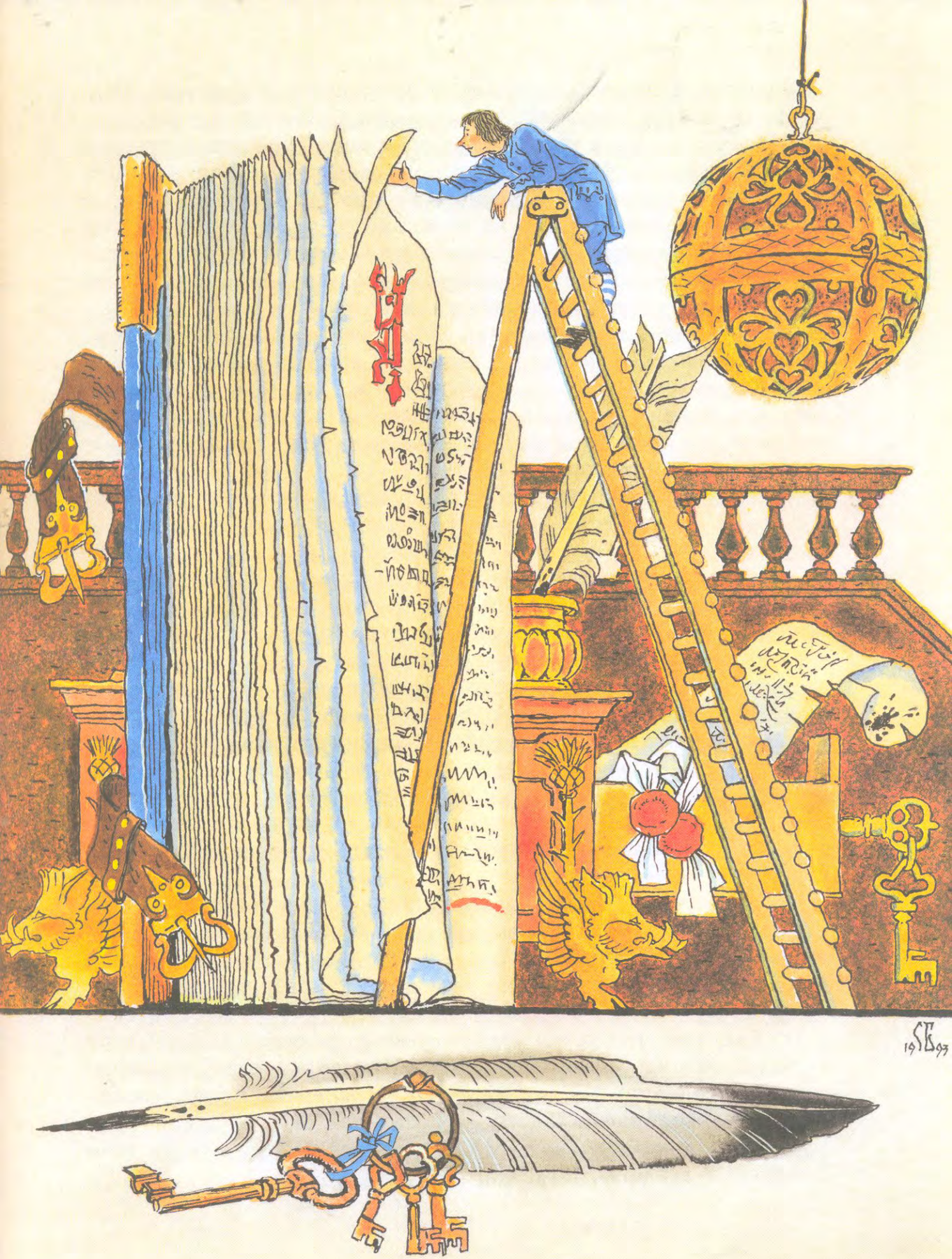
Когда все эти приготовления были закончены, король и королева пришли послушать Гулливера.

Обливаясь по́том, бедный музыкант бегал от одного конца клавикордов до другого, ударяя изо всех сил по клавишам, которые были ему нужны. В конце концов ему удалось довольно бегло сыграть весёлую английскую песенку, которую он помнил с детства.

Король и королева ушли очень довольные, а Гулливер долго не мог прийти в себя: после такого музыкального упражнения у него болели руки и ноги.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Гулливер читал книгу, взятую из королевской библиотеки. Он не сидел за столом и не стоял перед конторкой, как это делают другие люди во время чтения, а спускался и поднимался по особой приставной лестнице, которая вела от верхней строчки к нижней.

Без этой лестницы, специально изготовленной для него, Гулливер не мог бы читать огромные бробдингнежские книги.

Лестница была не очень высокая — всего двадцать пять ступенек, а каждая ступенька по длине равнялась строчке книги. Переходя от строчки к строчке, Гулливер спускался всё ниже и ниже, а последние слова на странице он дочитывал уже стоя на полу. Переворачивать страницы ему было нетрудно, так как бробдингнежская бумага славится своей тонкостью. Она и в самом деле не толще обыкновенного картона.

Гулливер читал рассуждения одного местного писателя о том, как измельчали за последнее время его соотечественники.

Писатель рассказывал о могучих великанах, некогда населявших его страну, и горько жаловался на болезни и опасности, которые на каждом шагу подстерегают слабых, низкорослых и хрупких бробдингнежцев.

Читая эти рассуждения, Гулливер вспомнил, что и у себя на родине он читал немало книжек в таком же роде, и, улыбаясь, подумал:

«И большие, и маленькие люди не прочь пожаловаться на свою слабость и хрупкость. А говоря по правде, и те и другие не так уж беспомощны, как им кажется». И, перевернув последнюю страницу, он спустился с лестницы.

В это время в комнату вошла Глюмдальклич.

— Нам надо собираться, Грильдриг, — сказала она. — Король и королева едут на морское побережье и берут нас с собой.

На морское побережье! Сердце у Гулливера радостно забилось. Больше двух лет он не видел моря, не слышал глухого рокота волн и весёлого свиста морского ветра. Но по ночам ему часто снился этот мерный знакомый шум, и утром он просыпался печальный и встревоженный.

Он знал, что уехать из страны великанов можно только морем.

Гулливеру хорошо жилось при дворе бробдингнежского короля. Король и королева любили его. Глюмдальклич ухаживала за ним, как самая заботливая нянюшка, придворные улыбались ему и не прочь были с ним поболтать.

Но Гулливер так устал опасаться всего на свете: защищаться от мухи, убегать от кошки, захлёбываться в чашке воды! Он только и мечтал о том, чтобы опять жить среди людей, самых обыкновенных людей, такого же роста, как он.

Нелегко постоянно находиться в обществе, где все на тебя смотрят сверху вниз.

Какое-то неясное предчувствие заставило Гулливера на этот раз особенно тщательно уложить свои вещи. Он захватил с собой в дорогу не только платье, бельё и свой путевой дневник, но даже коллекцию редкостей, собранных им в Бробдингнеге.

На следующее утро королевская семья со свитой и слугами отправилась в путь.

Гулливер прекрасно чувствовал себя в своём дорожном ящике. Гамак, заменявший ему постель, был подвешен на шёлковых верёвках к четырём углам потолка. Он плавно покачивался даже тогда, когда верховой, к поясу которого был пристёгнут ящик Гулливера, ехал самой крупной и тряской рысью.

В крышке ящика, над самым гамаком, Гулливер попросил проделать маленькое окошечко, в ладонь шириной, которое он мог сам открывать и закрывать, когда ему вздумается.

В жаркие часы он открывал и верхнее, и боковые окошки и безмятежно дремал в своём гамаке, овеваемый лёгким ветерком.

Но, должно быть, этот сон на сквозняке был не так уж полезен.

Когда король с королевой и со своей свитой прибыли в свой летний дворец, который находился всего в восемнадцати милях от берега, подле города Фленфласника, Гулливер чувствовал себя совсем нехорошо. Он сильно простудился и был очень утомлён.

А бедная Глюмдальклич, та совсем заболела доро́гой. Ей пришлось лечь в постель и принимать горькие лекарства.

Между тем Гулливеру хотелось как можно скорее побывать у моря. Он просто не мог дождаться минуты, когда опять ступит на прибрежный песок. Чтобы приблизить эту минуту, Гулливер стал просить свою милую нянюшку отпустить его на берег одного.

— Солёный морской воздух вылечит меня лучше всякого лекарства, — повторял он.

Но нянюшке почему-то не хотелось отпускать Гулливера. Она всячески отговаривала его от этой прогулки и отпустила только после долгих просьб и споров, скрепя сердце, со слезами на глазах.

Одному из королевских пажей она поручила снести Грильдрига на берег и смотреть за ним в оба.

Мальчик нёс ящик с Гулливером добрых полчаса. Всё это время Гулливер не отходил от окошка. Он чувствовал, что берег уже близко.

И вот наконец он увидел тёмные от прилива камни и полосу влажных песков со следами морской пены.

Он попросил мальчика поставить ящик на какой-нибудь камень и, опустившись на стул перед окошком, стал печально вглядываться в пустынную даль океана.

Как хотелось ему увидеть там, на горизонте, треугольник паруса! Хоть издали, хоть на мгновение...

Мальчик, насвистывая какую-то песенку, бросал в воду камешки величиной с небольшую рыбачью хижину, и этот шум и плеск мешали Гулливеру думать. Он сказал пажу, что устал и хочет вздремнуть. Паж очень обрадовался. Прикрыв поплотнее окошко в крышке ящика, он пожелал Гулливеру доброго сна и бегом побежал к скалам — разыскивать в расселинах птичьи гнёзда.

А Гулливер и в самом деле лёг в свой гамак и закрыл глаза. Усталость от долгой дороги и свежий морской воздух сделали своё дело. Он крепко уснул.

И вдруг сильный толчок разбудил его. Он почувствовал, что кто-то дёрнул за кольцо, ввинченное в крышку ящика. Ящик качнулся и стал стремительно подниматься вверх. Гулливер едва не вылетел из своего гамака, но тут движение стало ровнее, и он без труда соскочил на пол и подбежал к окошку. Голова у него закружилась. Со всех трёх сторон он видел только облака и небо.

Что же случилось? Гулливер прислушался — и всё понял. В шуме ветра он ясно различал взмахи широких могучих крыльев. Должно быть, какая-нибудь огромная птица высмотрела домик Гулливера и, ухватив его за кольцо, несёт неизвестно куда. И зачем ей понадобился деревянный ящик?

Наверно, она хочет бросить его на скалы, как орлы бросают черепах, чтобы расколоть их панцирь и достать из-под него нежное черепашье мясо.

Гулливер закрыл лицо руками. Кажется, ещё никогда смерть не подходила к нему так близко.

В эту минуту ящик его опять сильно качнулся. Ещё, ещё раз. Он услышал орлиный клёкот и такой шум, словно все морские ветры сшиблись у него над головой. Нет сомнения, это другой орёл напал на того, который похитил Гулливера. Пират хочет отнять добычу у пирата.

Толчок следовал за толчком, удар — за ударом. Ящик раскачивался направо и налево, как вывеска под сильным ветром. А Гулливер перекатывался с места на место и, закрыв глаза, ждал смерти.

И вдруг ящик как-то странно дрогнул и полетел вниз, вниз, вниз... «Конец!» — подумал Гулливер.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Страшный всплеск оглушил Гулливера, и домик на минуту погрузился в полную тьму.

Потом, чуть покачиваясь, он поднялся наверх, и дневной свет понемногу пробился в комнату. По стенам, змеясь, побежали светлые тени. Такие тени дрожат на стенках каюты, когда иллюминаторы заливает водой.

Гулливер встал на ноги и осмотрелся. Да, он был в море. Домик, обитый снизу железными пластинками, не потерял в воздухе равновесия и упал, не перевернувшись. Но он был такой тяжёлый, что глубоко осел в воде. Волны доходили, по меньшей мере, до половины окон. Что будет, если их могучие удары разобьют стёкла? Ведь они защищены всего только лёгкими железными решётками.

Но нет, пока ещё они выдерживают напор воды.

Гулливер внимательно осмотрел своё плавучее жилище.

К счастью, двери в домике выдвижные, а не створчатые, на петлях. Они не пропускали воды. Но всё же вода мало-помалу просачивалась в ящик сквозь какие-то еле заметные щёлки в стенах.

Гулливер порылся у себя в комоде, разорвал на полосы простыню и, как мог, законопатил щели. Потом вскочил на стул и открыл окошечко в потолке.

Это было сделано вовремя: в ящике стало так душно, что Гулливер едва не задохся.

Свежий воздух проник в домик, и Гулливер вздохнул с облегчением. Мысли его прояснились. Он сел и задумался.

Ну вот, он наконец на свободе! Никогда уже ему не вернуться в Бробдингнег. Ах, бедная милая Глюмдальклич! Что-то с нею будет? Королева разгневается на неё, отошлёт обратно в деревню... Нелегко ей придётся. А что будет с ним, слабым, маленьким человечком, одиноко плавающим по океану без мачт и руля в неуклюжем деревянном ящике? Скорее всего, первая же большая волна перевернёт и зальёт игрушечный домик или разобьёт его о скалы.

А может быть, ветер будет гонять его по океану до тех пор, пока Гулливер не умрёт с голоду. Ох, только бы не это! Если уж умирать, так умирать поскорее!

А минуты тянулись медленно-медленно. С тех пор, как Гулливер попал в море, прошло четыре часа. Но эти часы показались

ему длиннее суток. Ничего, кроме мерного плеска волн, ударявшихся о стены домика, Гулливер не слышал.

И вдруг ему почудился какой-то странный звук: что-то словно царапнуло по глухой стене ящика, там, где были приделаны железные пряжки. После этого ящик поплыл как будто скорее и в одном направлении.

Иногда его резко дёргало или поворачивало, и тогда домик нырял глубже, а волны взлетали выше, совсем захлёстывая домик. Вода ливнем обрушивалась на крышу, и тяжёлые брызги попадали через окошечко в комнату Гулливера.

«Неужели кто-то взял меня на буксир?» — подумал Гулливер.

Он влез на стол, который был привинчен посередине комнаты, под самым окошком в потолке, и стал громко звать на помощь. Он кричал на всех языках, какие знал: по-английски, по-испански, по-голландски, по-итальянски, по-турецки, по-лилипутски, по-бробдингнежски, — но никто не отзывался.

Тогда он взял палку, привязал к ней большой платок и, просунув палку в окошко, стал размахивать платком. Но и этот сигнал остался без ответа.

Однако же Гулливер ясно чувствовал, что его домик быстро подвигается вперёд.

И вдруг стенка с пряжками ударилась обо что-то твёрдое. Домик резко качнуло раз, другой, и он остановился. Кольцо на крыше звякнуло. Потом заскрипел канат, как будто его продевали в кольцо.

Гулливеру показалось, что домик стал понемногу подниматься из воды. Да, так оно и есть! В комнате сделалось гораздо светлее.

Гулливер снова выставил палку и замахал платком.

Над головой у него застучало, и кто-то громко закричал по-английски:

— Эй, вы, там, в ящике! Отзовитесь! Вас слушают!

Гулливер, задыхаясь от волнения, отвечал, что он злополучный путешественник, испытавший во время своих странствий жесточайшие невзгоды и опасности. Он счастлив, что встретил наконец своих соотечественников, и умоляет их спасти его.

— Будьте совершенно спокойны! — ответили ему сверху. — Ваш ящик привязан к борту английского корабля, и сейчас наш плотник пропилит в его крышке отверстие. Мы спустим вам трап, и вы сможете выбраться из вашей плавучей тюрьмы.

— Не стоит даром тратить время, — ответил Гулливер. — Гораздо проще просунуть в кольцо палец и поднять ящик на борт корабля.

Люди наверху засмеялись, шумно заговорили, но никто ничего не ответил Гулливеру. Потом он услышал тонкий свист пилы, и через несколько минут в потолке его комнаты засветилась большая четырёхугольная дыра.

Гулливеру спустили трап. Он поднялся сначала на крышу своего домика, а потом — на корабль.

Матросы окружили Гулливера и наперебой стали спрашивать его, кто он, откуда, давно ли плавает по морю в своём плавучем доме и за что его туда посадили. Но Гулливер только растерянно смотрел на них.

«Что за крошечные человечки! — думал он. — Неужели я опять попал к лилипутам?»

Капитан судна, мистер Томас Вилькокс, заметил, что Гулливер едва стоит на ногах от усталости, потрясения и растерянности. Он отвёл его в свою каюту, уложил в постель и посоветовал как следует отдохнуть.

Гулливер и сам чувствовал, что ему это необходимо. Но прежде чем уснуть, он успел сказать капитану, что у него в ящике осталось много прекрасных вещей: шёлковый гамак, стол, стулья, комод, ковры, занавески и много замечательных безделушек.

— Если вы прикажете принести мой домик в эту каюту, я с удовольствием покажу вам свою коллекцию редкостей, — сказал он.

Капитан с удивлением и жалостью посмотрел на него и молча вышел из каюты. Он подумал, что гость его сошёл с ума от пережитых бедствий, а Гулливер просто не успел ещё привыкнуть к мысли, что вокруг него такие же люди, как он, и что никто уже не может поднять его домик одним пальцем.

Однако же когда он проснулся, все его вещи уже были на борту корабля. Капитан послал матросов вытащить их из ящика, и матросы самым добросовестным образом исполнили это приказание.

К сожалению, Гулливер позабыл сказать капитану, что стол, стулья и комод в его комнате привинчены к полу. Матросы этого, конечно, не знали и сильно попортили мебель, отрывая её от пола.

Мало того: во время работы они повредили и самый домик. В стенах и в полу образовались отверстия, и вода ручьями стала просачиваться в комнату.

Матросы едва успели содрать с ящика несколько досок, которые могли пригодиться на корабле, — и он пошёл ко дну. Гулливер был рад, что не видел этого. Грустно видеть, как идёт ко дну дом, в котором ты прожил много дней и ночей, хотя бы и невесёлых.

Эти несколько часов в каюте капитана Гулливер проспал крепко, но беспокойно: ему снились то огромные осы из страны великанов, то плачущая Глюмдальклич, то орлы, которые дерутся у него над головой. Но всё-таки сон освежил его, и он охотно согласился поужинать вместе с капитаном.

Капитан был гостеприимным хозяином. Он радушно угощал Гулливера, и Гулливер ел с удовольствием, но при этом его очень смешили крошечные тарелочки, блюда, графины и стаканы, стоявшие на столе. Он часто брал их в руки и рассматривал, покачивая головой и улыбаясь.

Капитан заметил это. Участливо поглядев на Гулливера, он спросил его, вполне ли он здоров и не повреждён ли его рассудок усталостью и несчастьями.

— Нет, — сказал Гулливер, — я вполне здоров. Но я давно уже не видел таких маленьких людей и таких маленьких вещей.

И он подробно рассказал капитану о том, как он жил в стране великанов. Сначала капитан слушал этот рассказ с недоверием, но чем дальше рассказывал Гулливер, тем внимательнее становился капитан. С каждой минутой он всё больше убеждался в том, что Гулливер — серьёзный, правдивый и скромный человек, вовсе не склонный выдумывать и преувеличивать.

В заключение Гулливер достал из кармана ключ и открыл свой комод. Он показал капитану два гребня: у одного была деревянная спинка, у другого — роговая. Роговую спинку Гулливер сделал из обрезка ногтя его бробдингнежского величества.

— А из чего сделаны зубья? — спросил капитан.

— Из волос королевской бороды!

Капитан только развёл руками.

Затем Гулливер достал несколько иголок и булавок — в поларшина, в аршин и больше. Он размотал перед удивлённым капитаном четыре волоса королевы и подал ему обеими руками золотое кольцо, полученное от неё в подарок. Это кольцо королева носила на мизинце, а Гулливер — на шее, как ожерелье.

Но более всего поразил капитана зуб. Этот зуб по ошибке был вырван у одного из королевских пажей. Зуб оказался совершенно

здоровым, и Гулливер вычистил его и спрятал к себе в комод. Заметив, что капитан не может отвести глаз от великанского зуба, Гулливер попросил его принять эту безделушку в подарок.

Растроганный капитан освободил в своём шкафу одну полку и бережно положил на неё странный предмет, по виду похожий на зуб, а по величине — увесистый булыжник.

Он взял с Гулливера слово, что, возвратившись на родину, тот непременно напишет книгу о своих путешествиях...

Гулливер был честным человеком и сдержал слово.

Так появилась на свет книга о стране лилипутов и о стране великанов.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

3 июня 1706 года корабль, который принял на свой борт Гулливера, подошёл к берегам Англии.

Несколько месяцев он был в пути и три-четыре раза заходил в порты, чтобы запастись провизией и свежей водой, но Гулливер, утомлённый приключениями, ни разу не покинул своей каюты.

И вот путешествие его окончилось. Он дружески распрощался с капитаном, который снабдил его на дорогу деньгами, и, наняв лошадь, отправился домой.

Всё, что он видел на знакомых с детства дорогах, удивляло его. Деревья казались ему мелким кустарником, дома и башни — карточными домиками, а люди — лилипутами.

Он боялся раздавить прохожих и громко кричал им, чтобы они посторонились.

На это ему отвечали бранью и насмешками. А какой-то сердитый фермер чуть не поколотил его палкой.

Наконец дороги и улицы остались позади.

Гулливер подъехал к воротам своего дома. Старый слуга открыл ему двери, и Гулливер, нагнувшись, переступил через порог: он боялся стукнуться головой о притолоку, которая показалась ему на этот раз очень низкой.

Жена и дочь выбежали ему навстречу, но он не сразу увидел их, потому что по привычке смотрел вверх.

Все родные, друзья и соседи казались ему маленькими, беспомощными и хрупкими, как мотыльки.

— Должно быть, вам очень плохо жилось без меня, — говорил он с жалостью. — Вы так похудели и уменьшились в росте, что вас и не разглядишь!

А друзья, родные и соседи в свою очередь жалели Гулливера и считали, что бедняга сошёл с ума.

Так прошла неделя, другая, третья...

Гулливер понемногу стал снова привыкать к своему дому, к родному городу и знакомым вещам.

С каждым днём он всё меньше удивлялся, видя вокруг себя простых, обыкновенных людей обыкновенного роста.

В конце концов он опять научился смотреть на них как на равных, а не снизу вверх и не сверху вниз.

Смотреть на людей таким образом гораздо удобнее и приятнее, потому что при этом не приходится задирать голову и не надо сгибаться в три погибели.

21780
2

